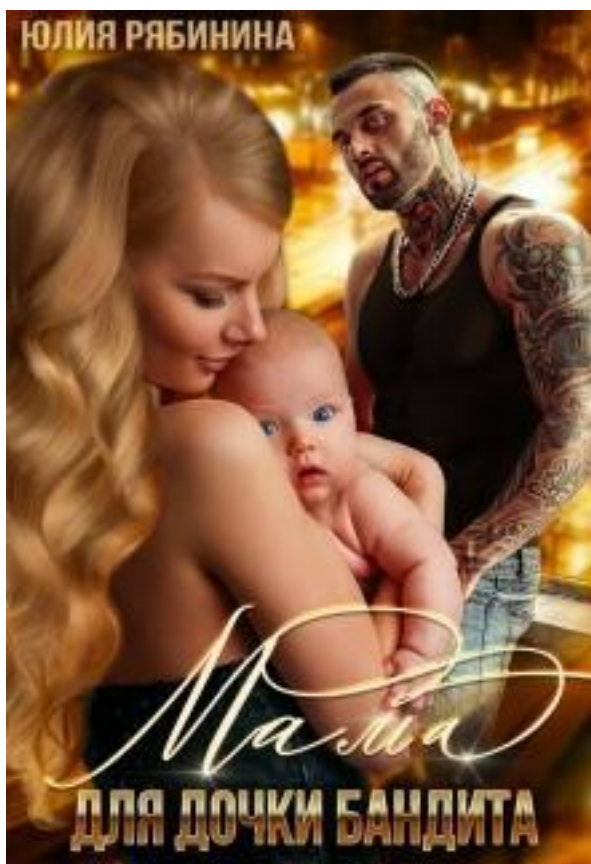

ЮЛИЯ РЯБИНИНА

Мама
ДЛЯ ДОЧКИ БАНДИТА

Юлия Рябинина

Мама для дочки бандита

<https://litres.ru/74213192>

Аннотация

— Я пришел за своей дочерью, — мужчина пугающего вида отодвинул Настю с порога, прошел в квартиру. — Здесь нет вашей дочери. О чем вы? — сердце девушки выскакивает из груди, но она, тем не менее, осмеливается преградить ему путь. — То есть, это не ты купила ребенка у старухи две недели назад? — зловеще проскрежетал зубами мужчина, нависая над Настей. — Я... я не покупала... — заикаясь и сжимаясь под его взглядом в комочек, пробормотала девушка. — Врешь, — прорычал он и, оттолкнув девушку в сторону, открыл дверь. И в ту же секунду квартиру заполнил детский плач.

За обложку благодарю

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	41
Глава 7	55
Глава 8	72
Глава 9	88
Глава 10	101
Глава 11	125
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Глава 1

Улыбка против воли растягивает губы.

Мля! До сих пор не могу поверить, что я отец.

Я – отец! Меня переполняет гордость от осознания этого факта и я невольно расправляю плечи. От чего салон автомобиля начинает казаться меньше.

– Титов, смотри не переусердствуй. А то лопнешь, – с пассажирского сиденья раздается голос жены пропитанный сарказмом.

– Марин. Я не понимаю, откуда в тебе столько желчи? – кинул косой взгляд на Марину, и тут же перевел на дорогу.

Сегодня погода оставляет желать лучшего. Мокрый асфальт, прихватил морозец, превратив его в каток. Отчего машиной управлять стало сложнее. Только аварии мне не хватало.

У меня на сегодня, помимо того как довезти жену и ребенка до дома в целости и сохранности, есть еще одна цель.

Выселить Кристину - сестру жены. Эта девка мне за две недели осточертела так, что при одном упоминании о ней зубы сводит.

– Ты меня уже достал, – огрызается Марина со своего места. – Только и слышу от тебя претензии и упреки.Надоело.

– Ты о чем Марин? Я тебе слова не сказал? – равнодушно пожимаю плечами.

– Сейчас не сказал. Но я уже предчувствую что до этого недалеко, – Марина недовольно поджимает губы.

Сказать, что я охренел от подобной предьявы, это значит ничего не сказать. Я когда встречал Марину возле порога роддома с букетом цветов в одной руке и со связкой воздушных шаров в другой, рассчитывал на более любезное общение с ее стороны.

– Я надеюсь Кристину ты не выгнал на улицу? – напряженно спросила жена.

“Ха” и еще раз “ха-ха!”. Кто бы мог сомневаться в том, что жена будет давить на меня подобным образом. И понятно из-за кого. Вот значит в чем дело? Вот к чему этот цирк? Успела таки Кристина сестренке пожаловаться. Ведь я ей сообщил о своем намерении выпроводить эту дрянь из моего дома. Ну что ж, раз зашел о ней разговор откладывать его в долгий ящик не будем. Поговорим сейчас.

– Пока нет, но намерен это сделать сегодня, – сухо отвечаю Марине, но когда слышу с заднего сиденья детское кряхтение, более мягче обращаюсь к жене, – Мариш, ну что ты дочку одну оставила? Пересядь к ней.

– Ничего, пусть привыкает. Что мне ее на руках нянчить постоянно? – буркнула жена и протянув к ребенку руку нашла пустышку и просто сунула ее в рот. Все.

Я был обескуражен. Это что было? Разве так себя должна вести мать, по отношению к своему ребенку?

– Титов, твое лицо и так уже вытянулось достаточно. Боль-

ше не надо. А то кожа треснет. И не смотри на меня так. Да, я устала. Мне надоело возиться ночи напролет с орущим младенцем, – я смотрю жене в глаза и вижу в них полное равнодушие.

– Не ожидал от тебя такого Марин, – вцепился в руль, до хруста в суставах.

– А мне кажется, что ты врешь самому себе. Я не раз давала тебе понять, что не горю желанием рожать детей. Ты же знаешь, что для меня ребенок – это обуза...

– Замолчи, – рычу сквозь зубы.

– Я – хочу быть полезной тем, кого люди выкидывают на помойку. Я хочу чтобы не страдали животные. А девочка, – она мазнула взглядом по люльке в которой лежала малышка, – меня свяжет по рукам и ногам, – с досадой закончила жена.

– Господи, Марина! Ты головой там случаной не где не трахнулась? – понижаю голос до угрожающего рычания.

– Вот ты весь такой, Титов! В первую очередь о себе заботишься и о своем комфорте. А как же я? – Марина повернулась ко мне всем корпусом.

– Ты стала матерью, черт бы тебя побрал! О каких животных ты ведешь речь? Ты лучше о собственном ребенке позаботься, дура!

– Не оскорбляй меня, Титов, – у Марины от напряжения задрожала нижняя губа, – не смей мне говорить про ребенка. Ты хоть знаешь через что я прошла? Знаешь как это больно, когда это маленькое чудовище разрывает тебя на части, пы-

таясь вылезти на свет? Нет, ты не знаешь! – голос Марины дрожит и в некоторых словах срывается на крик.

Такими темпами недалеко и до истерики.

– Мариш, – отрываю руку от руля и кладу жене на колено, поглаживаю, – я прошу успокойся. Дорога ужасно сложная. Давай дома обо всем поговорим. Я тебе обещаю, что мы найдем компромисс. Договоримся, – я вижу, что жена на взводе и продолжать с ней разговор ни к чему. Он все равно зайдет в тупик.

– Ты меня затыкаешь? Снова! Не хочешь слушать правду? – взвизгнула истерично жена.

Следом, салон автомобиля сотряс детский плач.

– Довольна?! – смотрю на жену в упор. Придушить ее хочется.

– Иди ты к черту, – отвечает Марина и усаживается на свое место.

Малышка кричать уже громче, требуя к себе внимания.

– Марина, что сидишь?! Успокой ребенка! – начинаю злиться на жену: вижу, что она даже не думает обратить внимания на дочку.

Но Марина, тут же окатив меня презрительным взглядом, отворачивается к окну. И дабы убедить меня в том, что не намерена выполнить мою просьбу, скрещивает руки на груди.

– Ты такая же дрянь, как и твоя идиотка сестра, – зло цежу сквозь зубы.

Я прикладываю немало усилий, чтобы сдержать свой гнев. И не задать трепку жену немедленно. Как же я мог так ошибиться в ней? Поверить в иллюзию, которую она искусно создавала на протяжении всего конфетно-букетного периода. Ровно до того момента, как в ее паспорте не оказалась печать из загса. Дрянь.

Дочка не получая от нас должного внимания, начала плакать громче.

– Марина, черт! Что ты сидишь? Дай ребенку соску! – дочка заходиться плачем.

А жене хоть бы что, она даже не дернулась. Стерва.

Я не обратил должного внимания на то, что машина поехала легче. Отвлекся от дороги только на миг, чтобы дать дочке пустышку. И в эту секунду раздался визг покрышек. Я подался вперед. Крутанул руль, пытаюсь выровнять машину, но нас уже начинает нести по гололеду вбок. Марина закричала от ужаса, заглушая плач дочки.

Я вывернул руль, пытаюсь вернуть направление машины обратно... Но из-за еле заметной поземки, никак не получилось словить сцепление шин с дорогой. Они продолжали скользить вперед по корке льда.

Нас стало закручивать, и в какой-то миг я точно понял, что спастись нам не удастся, так как впереди увидел стремительно приближающуюся к нам встречную машину. Удар

был мощный. Сокрушающий. Машину выкинуло на обочину и она прорвав ограждение рухнула на дно оврага. Те мгновения, которые я был еще в сознании, думал только о ней. О моей маленькой дочурке.

Одновременно страх и боль разрывали мое сердце в груди. Я ненавидел в этот момент себя за то, что стал виновным в смерти моей малышки.

Сильный удар выбил не только воздух из легких, но и дух из тела. Скрежет ломающегося железа был оглушительный. Последнее, что я хотел бы увидеть перед смертью, так это мою дочку, но Бог не дал мне такой возможности.

И перед тем как провалиться во тьму, вместо моего ангелочка, я увидел изувеченный каркас автомобиля. Он был похож на то, во что я превратил не только свою жизнь, но и жизнь тех людей, что окружали меня.

Я пришел в чувства от собственного стога. Открываю глаза, а точнее глаз, второй не хотел открываться и слышу:

– У бабы серьги снимай и кольца, – послышался откуда то сбоку скрипучий мужской голос, – а я пока мужика распакую... Да давай побыстрее, пока менты не нагрянули.

– Слышь чучело, руки убери от моей жены, – я с трудом разлепил губы, чтобы сказать это, внутренний гнев придал сил.

Я не мог поверить в то, что остался жив. Но я сейчас не думал о себе. Мои мысли все были направлены к детской

люльке в которой находилась моя девочка. И до которой я не мог не дотянуться, ни увидеть.

Я обвел взглядом бомжа, что застыл надо мной.

– Помоги выбраться, – попробовал вынуть руку, чтобы бомжу было проще тянуть.

– Ох, ё-ма-ё... Слышь бабка, а мужик то живой, – очумело лупит на меня краснющие глазищи чучело.

– Ненадолго, – сообщил низкий женский голос и как только я повернул голову к ней, мне на затылок опустилось что-то тяжело, железное.

Сознание покинуло меня мгновенно, я даже подумать ни о чем не успел. Зато увидеть я смог то, что и хотел перед смертью.

Я уловил взглядом люльку в которой копошилась моя крошка. Чувство радости от того что моя девочка жива – было последнее что запомнила моя душа, а вот сердце неистово билось от тревоги за дальнейшую судьбу дочки.

Но изменить и помочь моей крошке я не мог. Оставалось только надеяться на то, что Всевышний пожалеет мою малышку и не даст ее в обиду.

Глава 2

Холод пытается пробраться под тонкий выцветший плащик, доставшийся мне от квартирантки Лиды. Но я активно притоптываю ногами, разгоняя по венам кровь. Обматываю несколько раз вокруг шеи бабушкин платок, с мыслями о том, что уж он то защитит меня от любой непогоды. Выхожу из-под козырька обветшалого здания детского дома с горьким осадком на душе.

И стоило мне сделать несколько шагов в сторону ворот, как на небе все потемнело. Я подняла глаза вверх, чтобы оценить масштабы бедствия, как мне на голову посыпались крупные белые хлопья холодного снега.

– Повезло так повезло, – буркнула под нос и втянув голову в плечи зашагала прочь от места в котором только что умерла моя мечта. Мечта удочерить Лизоньку.

Директриса безжалостно растоптала ее своими башмаками, смешав с пылью на полу.

И стоило мне вспомнить разговор с директрисой, как глаза защищали непрошенные слезы.

“Мивочка, вы так еще моводы! – эхом отзывается картавый голос директрисы в голове. – Зачем вам чужой ребенок? Живите в свое удовольствие пока. Вам всего двадцать пять! Зачем вам такая обуза, Настасья?”

“Миловита Радионовна, я все решила! Не пытайтесь меня

отговорить. Я хочу забрать Лизу,” – отвечаю ей твердо.

Женщина на меня странно коситься. Затем открывает папку и начинает медленно перекладывать мои документы. Листок за листком. Листок за листком. Хитро улыбаясь. Сволочь.

Я несколько лет убила на то, чтобы улучшить свои жилищные условия. Работала в поте лица, как проклятая. Изматываясь на нескольких подработках. А все для чего... Да чтобы Лизку забрать из детского дома.

Когда я пришла волонтером в этот детский дом и впервые увидела малышку, влюбилась в нее с первого взгляда. Два года, пока лелеяла мечту (а параллельно еще собирала документы и усердно работала) об удочерении малышки, я приглядывала за ней, заботилась. Привязываясь к ребенку с каждым днем все сильнее и сильнее.

И вот он день икс настал. Все документы собраны. Справки от терапевтов, психиатров, зубных, гинекологов пройдены. Я летела сюда на крыльях счастья в надежде что вот-вот еще чуть-чуть и я заберу мою девочку домой...

Но когда синий штамп на папке моих документов оставляет печать “не подходит”. Мой мир рушиться. Выворачиваясь наизнанку.

Шах и мат. Король повержен.

Из горла вырывается громкий всхлип, но я сдерживаю слезы. Сжимаю сердито в карманах пальтишка кулаки.

Директриса думает что я сдамся? Но нет, она не угадала.

Я так просто Лизку не отдам. Тем более “добрые” люди шепнули на ушко, что Миловита за “небольшое” вознаграждение уже пообещала мою девочку другой семье.

Зачем она нужна бездушным богатеям? В качестве кого? Игрушки? Безусловно она там получит много игрушек и одежды, но самого главного от них она не получит. Любви они ей дать, не смогут.

За два года, работая здесь, я многое повидала. И точно знаю, что от богатеев, которые покупают детей, ждать хорошего нечего. Не пройдет и пару месяцев, как они вернут девочку обратно. Ссылаясь на то, что ребенок им не подходит по характеру. Не смогли притереться.

Стоило только представить что так же поступят и с моей Лизонькой, как по спине побежали мурашки. Я не допущу этого. Я не дам ее в обиду. Лиза моя! Моя дочка!

Подгоняемая злостью на директрису и на себя, за то что порадовалась раньше времени. И возможно тем самым спугнула удачу. Ускоряю шаг.

Под каблуками громко хрустит снег и этот звук эхом разносится в пустоте заброшенных зданий, тянувшихся вдоль дороги до самого пустыря.

Внутреннее напряжение делает скачок, когда проходя мимо очередного опустелого здания, замечаю на перекрытиях второго этажа группу подростков. Сильнее прячу голову в платок. Иду быстрее вперед.

Хоть детдом находится и в неблагополучном районе горо-

да, днем тут безопасно. Я и старалась сюда приезжать всегда в первой половине дня. Но сегодня, как назло, все пошло не так. Меня задержали на работе и я опоздала на электричку. Пришлось целый час ждать следующую. А добравшись до детдома, оказалось, что я и с директрисой разминулась в каких-то десять минут. Пришлось ждать и ее. В итоге. Оставшись ни с чем, мне теперь придется еще в ночи добираться до дома в холодной, пропитанной потом и перегаром электричке.

– Хей! Детка! Заруливай к нам! – окликает меня шепелявый мальчишеский голос.

Если бы мне сейчас не было бы так обидно и гадко на душе, я бы ответила парой “ласковых” слов этому сосунку.

Но мне не до них. Нужно успеть выйти к станции до того, как стемнеет. А впереди еще пустырь и роща. Кишащая бездомными собаками. Вот кого-кого, а собак я боюсь, как черт ладана. Поэтому не останавливаясь ни на миг, я быстрым шагом практически бежала вперед.

Пустырь замаячил передо мной уже через десять минут быстрой ходьбы. Непонятно откуда взявшийся страх, подстегивал натянутые до предела нервы и гнал вперед. Я не позволила себе ни одной передышки. Рысцой пробегаю по узкой тропинке и только когда оказываюсь в нескольких шагах от рощи замираю. В тени деревьев было сумрачно и тихо. Мной овладела паника. Я не могла сдвинуться с места, чтобы пойти вперед. Страх держал ледяными оковами мои ноги.

– Так, Анастасия соберись. В чем дело? – спросила у себя и как не странно ответ пришел сразу же.

Я почувствовала дикую обиду в сердце: на директрису, на судьбу, да и вообще на всех тех, из-за кого я оказалась прямо здесь, прямо сейчас. Это не страх гнал меня вперед нет – это обида и желание прийти домой, и уткнувшись в подушку лицом разрыдаться в голос от досады и огорчения.

Смахнув с ресниц слезинку, я сжала челюсть и вдавливая со злостью каблуки в снег пошла вперед.

Какая же все таки директриса подлая женщина. Ведь это она меня подтолкнула к тому, чтобы я сблизилась с девочкой. Она разрешала иногда забирать Лизу домой. Ведь знала же к чему приведет мое общение с ребенком. Я даже и представить не могла, что после всего этого, она воткнет мне нож в спину...

И только я об этом подумала, как мне в спину что-то уперлось. Я со страха вскрикнула. Круто развернулась.

– Черт! – выдыхаю и тут же отскакиваю в сторону.

Передо мной стоит старуха в грязных ободранных лохмотьях. В одной руке держит палку, которой собственно меня и ткнула а в другой, какой-то сверток.

– Э-э-э нет доня! Чертей здесь нет, – растянула рот в беззубой улыбке старуха.

Я попятилась назад. Вонь от этой бабки стояла дичайшая.

– Что вам надо? – спросила у нее прикрывая нос платком.

– Дорогу надо спросить, а не у кого? – развела старуха

руками. – Одни собаки кругом бегают.

– Так спрашивайте, что надо, а то я на электричку опаздываю, – я покосилась себе за плечо, давая тем самым бабке понять, что долго с ней нянчиться не намерена.

– Да все доня! Нашли мы что искали, – гортанно рассмеялась она, а для меня ключевым словом стало “мы”.

Пока старуха смеется, кидаю настороженные взгляды по сторонам. И замечаю движение справа. Адреналин закипает в крови мгновенно. Черт! Черт! Вот это я встряла, так встряла! От залетных бомжей можно ожидать всего, что угодно! Они же могут и убить, и сожрать! Для них это плевое дело.

Я делаю несколько шагов в сторону станции до которой рукой подать, когда слышу в спину басистый оклик старухи.

– Эй, доня. Погоди!

Когда слышу, что за моей спиной совсем рядом шелестит одежда, от ужаса мои ноги делаются ватными и мне становится трудно ими передвигать.

– Отстаньте! – кричу не оборачиваясь. – Не трогайте!

Хоть ноги и плохо слушаются, но я все же пытаюсь, пытаюсь бежать, но неожиданно я чувствую сильный толчок в спину. Я запутываюсь в своих же ногах и кулем валюсь на землю.

В голове проносится: приехали!

Но я не сдаюсь. Вскрываю на ноги и только собираюсь бежать, как сильная рука ловит за шиворот и тормозит.

– Да, постой же ты глупая! – срывающимся голосом, одер-

гивает меня старуха.

Я медленно поворачиваю голову и вижу, что меня держит не она, а старик бомжеватого вида. От которого воняет точь в точь как и от бабки.

– Вы меня хотите съесть? – мямлю тонким голоском.

– Вот глупая? – поцокал языком дед и отпустил мое пальто.

– Думай, чего несешь-то?! – крутит возле виска пальцем старуха. – Дело есть к тебе, – заговорщически произнесла она, покосилась на деда, – неси.

Я молча наблюдаю за дедом, который подобравшись весь, бодренькой походкой возвращается назад к мешкам, брошенным на земле.

– Что тебе от меня нужно, бабуль? – смахнула со штанин и плаща мокрый снег.

Страх куда-то исчез, уступая место усталости.

Я плотнее затянула платок на шее, вопросительно посмотрела на старуху.

– Денег хочу доня, – потрескавшимися губами прочмокала бабка, а у меня вырвался от подобного заявления нервный смешок.

– И много? – с иронией в голосе спросила у нее.

– Ну сколько будет не жалко, – тут же отвечает она.

– Могу подкинуть пару сотен на хлеб и молоко. Больше нет у меня, – пожимаю плечами и лезу в карман, где лежат сложенные вдвое сторублевые купюры.

– Ба, вот он, на, – за то время пока мы разговариваем со старухой к нам вернулся ее дедок со свертком в руках. Подойдя к старухе вплотную он сунул его ей.

– А я не за просто так прошу, деточка. Вот за него прошу, – она разворачивает тряпку и у меня от глубочайшего изумления медленно опускается нижняя челюсть.

– Что это? – протягиваю руку к розовому свертку.

У меня сердце сбивается с ритма и стучит в груди через раз. Конечно же я понимаю, что в руках у бомжихи детский комплект для выписки. Я в свое время сотню таких пересмотрела для Лизы. Но меня волнует не комплект, а то что находится внутри.

– А то ты не догадываешься?! – щеря беззубый рот с сарказмом отвечает старуха и поднимает краешек одеяльца.

– Ребенок? – выдыхаю я, почти беззвучно.

– Ага, он самый. Давай мне за него тыщу и будем расходиться, – старуха грубо одергивает край одеяльца и ребенок издает еле различимое мяуканье, – скоро уже стемнеет.

– Откуда он у вас? – я сделала шаг к ней, но старуха зыркнула на меня с такой злостью, что я мгновенно передумала приближаться к ней.

– Давай доня без лишних вопрос. Берешь? Или я его собакам выкину. Все равно он не жилец. Поди уже два дня голодный.

– Господи! Да что за издевательство? – у меня от возмущения прорезается голос. – Отдайте мне ребенка! Немедленно!

От такого безответственного отношение к маленькому беззащитному человечку, я забыла не только про страх, но и про осторожность. Но бомжи были наготове.

Старик подхватывает палку, что лежала рядом с бабкой и выставляет перед собой, преграждая мне путь.

– Сначала деньги, доня! А потом уже стулья... а в твоём случае вот этот кусок мяса, – старуха потрясла в руках сверток и из него послышалось детское кряхтение.

Сердце сжалось в комок от удушающей жалости к невинному детю. И дальше я действую чисто на инстинкте, совсем не думая головой. Вытаскиваю кошелек из сумки. Достāju зеленую купюру и трясущимися пальцами протягиваю старухе.

– Возьмите.

Но старуха вдруг отступила на шаг. И ребенка к себе прижала.

– Я передумала, – капризно скуксилась бабка.

– Что значит передумала? Отдавай ребенка! Вот деньги, – теперь я трясую купюрой перед старухой.

– Нет? – качает она седой гривой.

– А-а-а, я поняла, – хмыкаю в ответ, когда догадываюсь зачем весь этот цирк, – вам еще денег надо. Хорошо. Я дам еще. Но где гарантия того, что вы мне отдадите ребенка? – повышаю голос.

– Да не нужен он мне. Давай еще тысячу и забирай. Устала таскать его за собой, – старуха метнулась в мою сторону и я не успела сказать и слова, как она сунула мне в руки сверток,

выхватила кошелек и дала дёру. Дед следом за ней.

– Эй! Эй! Подожди! – кричу вслед бомзам, ошарашенная поступком и приткостью стариков.

В любой другой ситуации я бы кинулась за ними бежать: хотя учитывая что их двое, а я одна, то вряд ли, но сейчас - опускаю взгляд на сверток в руках, и чуть дыша приоткрываю розовую ткань и заглядываю в личико малышу. Малыш открывает ротик и как будто что-то ищет им в воздухе.

“Он поди два дня не ел,” – всплывают в голове слова старухи.

Следующее решение которое я принимаю, было совсем не в моем характере.

Стянув с себя бабулин платок, я накинула его поверх розового одеялка, чтобы оно не бросалось сильно в глаза посторонним и быстро зашагала к станции. Не оглядываясь. Понимая, что детдом с каждым шагом становится все дальше.

Глава 3

В электричке на удивление оказалось много народу. Но нам нашлось неприметное место в уголке, которое уступает подвыпивший мужчина.

Искренне благодарю мужика за любезность, отворачиваюсь к окну и нечаянно в темном стекле ловлю свое отражение.

Бледная, с растрепанными волосами, с горящими глазами, я немного похожу на безумную. Но ведь правду говорят, что глаза это зеркало души. А там у меня действительно творится сейчас черте что.

На меня волнами накатывают эмоции от которых нереально штормит. Одно только чувство презрения к себе чего стоит. Я все еще не могу поверить в то, что купила ребенка. Пусть у бомжей и пусть я знаю, что если бы не отдала деньги, эта маленькая кроха погибла... но сам факт покупки – меня угнетает.

Малышка (мне отчего то кажется что это девочка) заворачивалась на руках еле ощутимо и я инстинктивно начинаю ее качать. В груди сердце все сильнее распирает от чувства тревоги и волнения. Я не знаю что мне делать. Я растерялась.

С одной стороны мне надо бы заявить о ребенке в полицию. Ведь откуда то ее взяли бомжи? И я даже допускаю мысль о том, что они ее могли украсть. Но с другой стороны:

я много знаю случаев, как нерадивые мамы избавлялись от незапланированных чад, просто выбрасывая их в мусорные баки. И отчего-то внутреннее чутье мне подсказывает, что от малышки хладнокровно избавились. Кожу вмиг покрывает россыпь мурашек. Меня коробит эта мысль. Становится до боли в суставах омерзительна та, которая так могла поступить. Хотя жизнь у всех разная, и не мое дело их судить, но сердцу не прикажешь. Злость и презрение в некоторых ситуациях контролировать сложно.

Но главное я знаю одно, что в первом, что во втором случае это уголовная статья. И самым верным и правильным решением будет то, что сойдя с железнодорожного трапа я первым делом направлюсь с девочкой к полицейским.

Однако добравшись до своей станции и сойдя с трапа. Я сделала все с точностью да наоборот. И стоило на платформе в мое поле зрения попасть полицейским, я меняю направление и иду прочь.

Пока ехала в электричке в голове прокручивала варианты развития событий для малышки. И ни один из них не пришелся мне по душе. И в тот момент я для себя решила одно: пока не разберусь в том, как правильно нужно будет поступить, малышка останется со мной.

Крепче прижимаю к себе крохотного младенца и уверенная в правильности своего решения направляюсь на привокзальную площадку, где смогу нанять такси. Которым очень редко пользовалась в целях экономии. Но сейчас выбирать

не приходится. Я не могу с малюткой на руках кататься в маршрутных такси или чего хуже в метро, где на каждом шагу можно нарваться на полицейских.

Подхожу к самой ближней машине:

– Здравствуйте, до Ленинградской 15 сколько возьмете?

– мужчина оценивающе смотрит на меня.

– Нисколько, – отвечает грубо, – у меня нет люльки для младенца.

– А что же мне делать? – включаю бедную овечку, чтобы смягчить сердце водителя.

– Ну не знаю. Вон к тройке желтой подойди. У них при себе удерживающее средство должно иметься, – буркнул он и закрыл стекло.

Я понуро вжав голову в плечи, так как к вечеру похолодало еще сильнее, лавируя между машинами подошла к той на какую указали.

– Чего? – недовольно бросил мужчина в чуть приоткрытую щелку.

Видимо я совсем плохо выгляжу, так как в его взгляде можно было прочесть откровенное пренебрежение. И такое обращение со мной скорее всего было связано с тем, что он принял меня за попрошайку.

– До Ленинградской 15, сколько возьмете? – вот после этих слов лицо мужчины изменилось, смягчилось, приняло нормальное выражение.

– За пятьсот поеду.

Во мне просыпается скряга(все же два года экономии дают о себе знать), но я тут же заталкиваю ее поглубже.

– Хорошо, – я сажусь на задние сиденье, закрываю дверь.

– Сколько месяцев ребенку? – этот неожиданный вопрос от водителя ставит меня в тупик и мужчина наверное видя мою заминку, дополняет вопрос. – Люльку доставать или нет?

– Ах, я не знаю. Малышке неделя. Можно я с ней на руках? – врака из меня никакая.

Заикаясь, говорю первое что приходит на ум, но мужчину видимо мой ответ удовлетворил, так как он кивнув, тронулся с места. Я облегченно вздохнула. А спустя несколько минут и отогрелась.

Чуть приподняв краешек одеялка смотрю на крошечное личико и в голове неожиданно мелькает мысль: вот Настя, за что боролась на то и напоролась. Хотела себе ребенка: получи и распишись. Вот только что мне теперь с ним делать. Я не знала...

И боялась даже представить во что может вылиться мой безрассудный поступок.

Глава 4

– Настя, если ты в ближайшие полчаса не появишься на работе, то начальница точно тебя уволит. Я не могу покрывать твои прогулы, – шипит мне в трубку подружка и по совместительству моя коллега, Сашка.

– Нет-нет-нет, Саша, делай что хочешь, но ты должна мне помочь, – торопливо отвечаю ей в трубку, а сама в этот момент меняю подгузник малышке, – я не смогу сегодня прийти, – добавляю обреченно.

– Настя! Настя! Ты подводишь меня под монастырь, – шепчет в трубку Саша, на секунду замолкает, – ладно. Но сегодня последний день. Завтра если не придешь, то в своем увольнении сама будешь виновата, – звонок обрывается и я слышу в трубке короткие гудки.

– Вот это я заварила кашу, – качаю головой.

Два дня уже не появляюсь на работе и это чревато необратимыми последствиями для меня, за которыми последует стопроцентное увольнение.

Закрутив в тугой комочек грязный подгузник, надела новый. Застегнула между пухленьких ножек малышки кнопочки боди, аккуратно подняла ее на руки, принялась расхаживать взад-вперед по комнате, покачивая малышку.

Сашины слова об увольнении не лезли из головы. Увольнение это самое меньшее что мне сейчас нужно. Набираю-

ций обороты кризис в стране не сулит ничего хорошего. И остаться без работы в данный момент, это значит, подставить свое благополучие под удар. Но что же мне делать? Ведь сейчас я работать не могу. Да и не хочу. У меня на руках маленький ребенок, которому нужна моя забота и мое внимание.

Божечки, дай знак. Дай подсказку! Уже прошло два дня, а я так и не приняла решения. Что мне делать с малышкой?

Противоречивые чувства внутри, выжигали во мне здравомыслие.

Если в первый день, после того как малышка оказалась у меня дома я еще могла трезво рассуждать и думать, то спустя сутки: я будто потеряла связь с реальностью, полностью погрузившись в заботу о младенце.

Я не вылезала с форумом молодых мамочек, черпая оттуда всю нужную для себя информацию. Конечно же я помнила как нужно ухаживать за маленькими детьми, но Лизочку я взяла на попечение, когда девочке было уже девять месяцев. С ней было много проще. А вот опыта общения с младенцами у меня совсем нет.

Я конечно не совсем безнадежна. Уж бутылочку смеси навести могу, но вот все подробности про то как обрабатывать складочки на теле младенца я смотрела не отрываясь, пропитываясь каждым словом, каждым движением мамочки, которая показывала как и что нужно делать.

Также из многочисленных энциклопедий о младенцах и от врачей-педиатров вещающих с каналов ютуба, я смогла

вычислить примерный возраст малышки. Она оказывается совсем еще крошкой. Ей приблизительно десять дней. И по-хорошему, мне бы нужно было записаться с малышкой на прием к педиатру, чтобы убедиться наверняка, что с девочкой все хорошо, но я струсила.

Ведь прийти в поликлинику, это значит отдать малышку. Рассказать правду. А я пока к этому была не готова. Во мне проснулся дикий эгоизм и чувства собственности.

В какие-то моменты, мои мысли прояснялись и меня начинали мучать сомнения в правильности моих действий, но стоило малышке подать голосок, я тут же входила в роль заботливой мамочки и не о чем, кроме как о заботе о ребенке я не могла думать. Не успевала. Меня мгновенно заполняло чувства полного блаженства и счастья. В те мгновения я ощущала себя мамой малышки.

– Лерочка, девочка моя, ну не расстраивайся. Сейчас я с тобой поиграю, только покушать тебе сделаю, – имя для малышки пришло мне на язык как-то само собой и оно так подходило ей, что я с удовольствием все повторяла и повторяла его. С каждым разом привязываясь к малышке все крепче.

Так прошло еще несколько дней. Я закрылась от мира. Телефонную трубку я не брала, а потом и вовсе его отключила. Громко звонящий телефон пугал Лерочку. И меня это злило.

Проснувшись на пятый день утром, я окончательно для себя решила, что Леру оставляю у себя.

В полицию я не пойду. Боюсь. Ведь теперь меня могут

привлечь к ответственности, за то что скрыла чужого ребенка. Да и как представлю, что Лерочку в дом малютки отдадут, так волосы на голове шевелиться начинают. Дети не обязаны страдать за то, что их родители бросили. А я Лере дам любовь и заботу, я смогу. У меня получится.

Пока малышка спала я произвела нехитрый подсчет своих сбережений. На первые месяцев шесть нам точно хватит.

В груди кольнуло беспокойное сердце. Напоминая о том, что эти деньги я копила для Лизоньки. Думала, когда заберею ее, то напишу на работе на месяц без содержания за свой счет и мы с Лизой укатим в какой-нибудь санаторий. Но сложилось все иначе.

Лизоньку у меня забрали, зато появилась Лера, которой необходима не только моя забота, но и защита.

На работу начальнице я позвонила сама.

– Ну, Лузганова... Ну ты и актриса, – деловито разрывает слова Галина Марковна, – раз звонишь, на работе тебя значит не ждать? По тридцать третий хочешь чтоб уволила?

– Галина Марковна, – заискивающе отзываюсь начальнице, – ну простите. Не со зла. Племяшку мне тут двоюродная сестра привезла. Приютила. А она стерва запила, а ребенка не с кем оставить, – сочиняю историю походу разговора.

– Это не мои проблемы, Анастасия, – сурово отвечает начальница, но я слышу как в ее голосе скользят нотки сочувствия.

Я дожимаю:

– Галиночка Марковна, ну не сердитесь. Может дадите мне отпуск небольшой, а? Ну как только эта гулена с девочкой съедут, я сразу на работу, – давлю на все рычаги сочувствия, которые только получается.

– Ладно, – после минутного сопения произносит начальница, – даю неделю и то за твой счет. Я не намерена сажать себе на шею работников и платить им еще за то, что у них дома неприятности. Это твои проблемы. Но смотри, если твоя родственница не одумается. Сразу же пишешь заявление на увольнение. Если нет. Уволю к чертовой матери, по тридцать третий...

– Я все поняла, Галина Марковна. Вы самая справедливая и добрая начальница, – пою оды начальнице, а сама прислушиваюсь к тишине в соседней комнате.

– Ладно уж, не подлизывайся. Ты знаешь, как бы я к тебе хорошо не относилась, но косячить не позволю. Все разгребай там свои проблемы. Через неделю, чтобы была на работе как штык.

– Да, босс. Спасибо босс, – выпрямилась на стуле в струнку, наигранно отдала честь Галине Марковне.

– Все пока, – женщина положила трубку, а я расслабившись, вздохнула с облегчением.

Галина Марковна хорошая начальница и мировая женщина. Но как она и сказала, на работе она ко всем относится одинаково. Не выделяет любимчиков.

Все должно быть по справедливости, – говорила она, – по

заслугам и зарплата. Не работаешь, значит уступить место другому.

И поэтому у нас не было ни лоботрясов, ни бездельников.

– У меня есть еще неделя, – проговорила вслух, – а что будет дальше, время покажет.

Из комнаты слышу плачь Лерочки. Я подхватив со стола наведенную бутылочку детской смеси направилась в спальню, мигом забывая обо все на свете.

Глава 5

В сознание возвращаюсь тяжело. Болезненно.

Мозг пухнет и закручивается в узел от одной и той же мысли, что постоянно крутится, как заезженная пластинка в граммофоне:

Марина мертва. Найти бомжей. Спасти дочку.

Марина мертва. Найти бомжей. Спасти дочку.

Марина мертва. Найти бомжей. Спасти дочку... Спасти дочку....

Последняя мысль будто ток пронизывает все мое тело.

Делаю глубокий вдох и открываю глаза.

Вижу над собой белый поток скашиваю глаза, потому как повернуть голову не получается. Взглядом упираюсь в больничные аппараты. Значит я выжил. И я в больнице.

Пошевелил языком. Во рту все ссохлось и нещадно саднило. Дико захотелось пить. Позвать бы кого, вот только трубка во рту ужасно мешает. Попробовал повернуться на бок... не смог.

Черт! В глазах загорелся красным пламенем гнев. Мысли лезли в голову разные. Нехорошие. Я старался гнать их от себя, а перед глазами, будто насмехаясь надо мной мелькали уродливые картинки моего искалеченного тела. Я инвалид?!

Громкий стон протеста вырывается из моего горла. Я не желаю этого представлять. Это не может быть правдой!

Я точно знал для чего Бог оставил мне жизнь! Я должен был вытащить из рук грязных бомжей свою дочку!

А вместо этого бездвижным поленом лежу на больничной койке подключенный к аппаратам.

Поглощенный своими внутренними терзаниями в мыслях, я не сразу заметил, что в палате нахожусь уже не один. Перед моими глазами туда-сюда маячит врач и медсестра. Слышу сквозь шум в ушах их голоса, но из-за накатившей на меня паники, ничего не могу разобрать. Только гул.

– Богдан, успокойтесь! – врач возник передо мной неожиданно быстро и давит мне на плечи сильно пытаюсь удержать на месте. – Вы делаете хуже только себе!

– Мне нужно спасти дочь, – хриплю я, но слышу, как изо рта вырывается только неразборчивая речь, – где жена моя?

Доктор смотрит на меня внимательно, пытаюсь разгадать мои вопросы по выражению моего лица.

– Богдан, вы слышите меня? Моргните если да, – я не переставая выкручивать тело из его рук, моргаю. – Вы понимаете что вы в больнице? Моргните.

Я делаю то что он просит.

– Богдан, вам нужно успокоиться, – и я действительно чувствую спокойствие, крепки руки давят на меня сильнее и я откидываюсь на подушки, замираю.

Но когда боковым зрением улавливаю медсестру, которая была за моей спиной, догадываюсь, что она мне вкололи успокоительное.

– Почему ...я... не могу... шевелиться? – прилагая немало усилий спрашиваю у врача.

– Не волнуйтесь Богдан, если вы обещаете не буйнить, то я отменю анксиолитики из вашего назначения. Маша дайте пациенту воды.

Медсестра оказывается шустрой. И уже через секунду мне в рот была засунута пластиковая трубка через которую я делаю первый глоток.

Жажда на мгновение отступает и я делаю нормальный вдох, который не царапает небо.

– Вы что-то у меня спрашивали Богдан? – врач подсел ко мне ближе и взяв папку начал там что-то записывать, то и дело поглядывая на аппараты.

– Где моя жена и дочь? – язык еще ворочался, но я старался как мог.

Мне необходимо услышать то, что преследовала меня в отключке постоянно.

– Богдан, – врач замолчал, а у меня от страх перед тем что он скажет, по вискам прошелся холодок и побежал на затылок к позвоночнику и вниз, – насколько мне известно, жена ваша скончалась еще на месте аварии.

Я громко сглотнул. Для меня хоть и не было это неожиданностью. Я знал что Марина умерла, видел своими глазами, но верить в чудо никто не запрещал.

– А ребенок? Дочка? – страх зашевелился с новой силой, хоть мой мозг и готов был воспринять слова врача, а вот

сердце... оно заколотилось о грудь как сумасшедшее, разгоняя по венам кровь так, что гулкий шум в ушах забивал голос врача.

Я видел как у него шевелятся губы но ни одного слова услышать не мог:

– Громче! Говорите громче! – мой голос срывается... и в горле начинает першить.

– Богдан! О чем вы говорите? Никакого ребенка на месте аварии не было! – говорит врач отчетливо громко, а у меня перед глазами вспыхивает яркой картинкой последнее что я видел перед отключкой: старая потрепанная бабка касается моей жены, хочет снять с нее украшения и дед, который что-то говорит, я точно знаю что говорит, но хоть убей не могу вспомнить что, а вот лицо его и его бабки, я запомнил. Найду, прикончу собственноручно мразей, если они причинят вред моему ребенку. Я отчего-то был уверен на сто процентов, дочь украли именно они.

Я закрыл глаза. Разговаривать с врачом и тратить на него свои силы я не хотел.

– Мне нужно позвонить, – говорю я не разлепляя глаз.

– Медсестра свяжется с вашими родителями и они вам привезут все самое необходимое. А сейчас отдыхайте, – я почувствовал, как врач встал с койки, – и помните. Мы договаривались... никакого буйства. Я знаю что потеряю близкого принять трудно, но остаться после такой аварии не то что в живых, да еще и отделаться парой незначительных по-

вреждениями, кроме как чудом не назовешь. Вы видимо родились в рубашке, мой дорогой друг.

Я промолчал. Знал бы он что сейчас происходит внутри меня. Охренел от увиденного.

В мыслях я уже прочесывал со своими ребятами каждый притон, где только могут затаиться бомжи и искал... Искал свою дочь. Наказывая и стирая в порошок на своем пути тех, кто мне мешал.

Плечи напряжены так, что лопатки сводит.

Чувствую, как отец смотрит не отрываясь. А мать молчит. Стоит за его спиной и громко сопит.

– Богдан, – подает голос отец.

– Можешь не начинать, – перебиваю его и уперевшись руками в кровать медленно поднимаюсь на ноги.

– Сынок, – мать сделала шаг ко мне, но отец ее остановил.

– Не унижайся Мария, ты видишь он не хочет принимать от нас помощь, – высокомерно сказал мужчина.

– Не обобщай, – кидаю ему через плечо взяв подлокотный костыль оперся на него повернувшись к родителям лицом.

– Я все сказал. Никакого родительского долга передо мной выполнять не нужно, – отчеканил я и задев костылем ногу отца прошел мимо.

– Как знаешь, сын, – ты второй раз уже плюешь на мое мнение. Третьего раза не будет.

– Замолчи, – слышу приглушенный голос матери.

– Да пусть выскажется мам. Мне вот интересно, а если бы у вас пропал. Ты бы стал меня искать. Или забил? Ведь младенцу вряд ли удалось бы выжить в суровых условия среди бомжей?

– Богдан, отец не это имел ввиду, – влезла мать, пытаюсь смягчить напряжение между нами.

– Хм, а что он имел ввиду, когда сказал, что поиски моей дочери и между прочим вашей внучки – это пустая трата време? Что, черт побери он имел ввиду?! – не сдерживаясь повышаю голос.

– Не ори на мать! – взвился отец.

– Вам лучше уйти, – я подхожу вплотную к окну и упираюсь лбом в холодное стекло. Вглядываюсь в раскинутые улицы города. Там на одной из них моя дочка. В груди зияющей открытой раной расплзается боль, – я сделаю все чтобы найти тебя моя крошка, – провожу пальцами свободной руки по стеклу оставляя полосы от пальцев.

– Если мы сейчас уйдем Богдан, – отец замолчал.

– В следующий раз я встречусь с тобой на кладбище, – закончил за отца его предложение.

– Дима, Богдан прекратите! – повышает голос мать и я чувствую спиной ее приближение. – Вы самые родные люди. Вы отец и сын, как вы можете себя так вести? – мать кладет мне руку на плечо. – Богдан я прошу тебя не надо пороть горячку.

Я круто разворачиваюсь к матери лицом и та от нежиз-

данности отшатывается.

– У меня нет отца, – говорю зло глядя отцу в глаза, – он умер в тот момент, когда предложил оставить на произвол судьбы мою дочь.

– С меня хватит, – сжимая зло губы в одну линию, мужчина разворачивается и выходит за дверь шумно ее за собой захлопывает.

– Зря ты так с отцом Богдан, – укоризненно покачала головой мать.

– Правда? – выгнув бровь смотрю на женщину в смешанных чувствах. – То есть ты считаешь, что я должен лечь обратно на койку и забыть о том, что у меня родилась дочь?

– Ну, Богдан, – мать протянула руку, чтобы дотронуться до меня, но я жестко посмотрел на нее, она медленно отступила, – ты же знаешь, что отец недолюбливал Марину.

– Плевать мам! Ты сейчас пытаешься оправдать отца в моих глазах, но увы, у тебя ничего не получится. И чтобы не усугублять ситуацию, лучше иди к нему. У меня нет желания находится рядом с теми людьми, которые настроены против меня и моего ребенка.

Мать молча развернулась ко мне спиной, направилась к двери.

– И да мам, – бросил ей в спину, она повернулась ко мне со вспыхнувшей надеждой в глазах, – я разочарован в тебе. Прости.

– Это ты меня прости сын за то, что не оправдала твоих

ожиданий, – с обидой в голосе произнесла женщина и вышла из палаты.

– Черт побери! – сказал вслух, а в мыслях обложил отца трехэтажным матом. – Совсем из ума выжил, старик?!

Достал из кармана новенький айфон.

Доковылял до стула, отложив костыль, аккуратно сел на него.

Набираю заученные наизусть цифры.

Мужской голос в динамике ответил немедленно.

– Лекс. Это Титов. Брат дома?

– Большой занят немного, Бо. Что-то срочное?

Да, черт побери срочное! Хотелось наорать на спокойного Лекса.

– Большой сказал, что через пять минут сам тебе наберет.

– Жду.

– Давай бывай, Дан.

Отложил телефон чуть в сторону встал со стула пошел в круг по комнате. Окунаясь в воспоминания давних лет.

Большой Брат – это прозвище одного из местного крышевого, которому я однажды спас жизнь.

Я никогда с него ничего не брал и не требовал, не просил о помощи. Нужды не было, зато теперь появилась. Мне нужны были низшие слои общества, если конечно люмпенов вообще можно было назвать обществом. Животные, звери – это про них.

Большому брату, как раз принадлежали нищие, бродяги

и попрошайки.

Он правил этим сегментом отбросов уже много лет и точно каждого знает в лицо. С ним я должен встретиться. Он должен помочь.

Салон автомобиля пропитан дорогим мужским одеколоном. Совсем не оставляя места для женского аромата.

– Дима, ты уверен что поступаешь правильно? – женщина сжала пальцами твердую как камень ладонь мужа. – Богдан он конечно вспыльчивый, но так же быстро и отходит. Главное найти подход...

Мужчина повернул голову к жене и она тут же замолчала. Тяжелый взгляд синих ледяных глаз пронизывал насквозь.

– Тебе Нина не стоит лезть туда, куда не просят, – угрожающий бас прокатился по салону.

– Я боюсь, как бы Богдан не наделал глупостей Дима, – тревожным голосом произносит женщина.

– Не успеет Нина. Я сделаю все, чтобы этот остолоп, поскорее выкинул из головы эту затею с поисками ребенка.

– Дима, а может пересмотришь свое отношение к ... – женщина сглотнула, это слово было тяжело произнести с первого раза, – ... внучке. Марина погибла, она больше не встанет преградой между Богданом и Мариной.

– У меня будут только желанный внуки. А этот ребенок от приبلудной девки – ошибка. И я надеюсь в скором времени Богдан это поймет.

Нина тяжело вздохнув отвела взгляд от лица мужа повернулась к окну.

Дима был очень тяжелым и властным человеком. Переубедить его в чем то было не возможно. Вот как и сейчас.

Нина понимала, что дочь Богдана не в чем не виновата. И заслуживает того, чтобы у нее был отец. Но противиться Диминой воле, это тоже самое что идти против урагана, надвигающегося на тебя плотной стеной. Это невозможно. Он сомнет, покалечит, убьет.

– Аким, для тебя задание, – женщина напряглась, когда услышала это имя.

Она кинула украдкой взгляд на мужа. Он разговаривал по телефону.

Аким, это персональная машина-убийца, ее мужа. В нем нет ни жалости, ни сострадания. В этот миг Нина действительно испугалась за жизнь ребенка.

И после того, как муж закончил разговор, повернулась к нему, стараясь спрятать всю тревогу, что бушевала в ее душе спросила:

– Дима, пожалуйста не делай девочке плохо, – попросила она жалобным голосом.

– Нина, я не монстр. С девочкой ничего не сделают. Но Богдан ее никогда не найдет. И ... – он склонился к жене так близко, что его голос опалил ее правую часть лица, – ... эта тайна умрет вместе с нами.

Глава 6

– Ситуация не из простых. Скажу тебе откровенно, – Геныч, он же Большой Брат, сидел напротив меня, потягивая из полторашки квас “Очаковский”.

– Ген, ты же понимаешь, что я приехал к тебе не для того, чтобы ты мне это сказал. Нам нужно разрешить эту ситуацию, как можно скорее. Моя дочь уже больше недели находится у этих зверей...

– В том то все и дело Богдан. Я не хочу тебя расстраивать раньше времени, но хочу чтобы ты был готов к тому, что твоей дочери может и не быть уже на нашей грешной матушке земле, – пристально смотрит мне в глаза Большой.

– Я чувствую здесь, – с силой ударяю себя в грудь, прямо в сердце, – что она жива! Я хочу найти ее и точка.

– Да не кипятись, Титов. Сказал же что помогу. Да и должок свой я помню. Обязан тебе по гроб жизни.

Обезболивающие отпустили и я тяжело задышал. Достая блистер с таблетками выдавливаю две в ладонь.

– Дай воды, – глухо прошу Геныча.

– Зря ты приехал, Титов. Мог бы дожидаться меня в больнице, – с досадой качнул головой Геныч.

– Я ушел отсюда. Достаточно того времени, что я там провалялся. Все остальное что не зажило. Заживет походу, – сжимая зубы ответил Гене.

– Как скажешь, Дан. Я не знаю, как бы поступил на твоём месте, если бы с моей семьёй случилась такая беда. Но то что ты готов ради своей дочери рыть землю голыми руками...

– Зубами Ген. Все переверну вверх дном, но малышку найду, – встаю тяжело со стула, опираясь на костыль.

– ... достойно уважения, – Большой пожимает мне руку, – мои ребята сегодня же начнут прощупывать бомжей и бродяг. Говоришь старуха и дед, – задумчиво потер подбородок двумя пальцами Геныч, – конечно тут много таких. Надо бы узнать не завелись у некоторых дорогие украшения и ребёнок.

– Мы тоже сидеть на месте не будем. Не забудь дать указания своим, чтобы мне не мешали.

– За это можешь быть спокоен Богдан, тебе дорога открыта. Только без жести. По-сути все эти люди ущербные и ущемленный, но навредить кому-то специально, вряд ли смогут. Поэтому если найдешь тех бомжей раньше меня. Не трогай. Я сам их накажу, – жестко обозначил свое условие Геныч.

– Я подумаю, – сузив глаза, посмотрел на Большого с угрозой, – если с моей дочерью они хоть что-то сделали, – делаю выразительную паузу, – не обессудь.

Вижу как у Геныча желваки заходили на скулах. Злится. Не привык, что не подчиняются его просьбам. Но я, черт побери, не его поля ягода. Так что пусть свои чувства неудовлетворенности оставит при себе.

– Я все же надеюсь, что они смогли уберечь твоего ребенка, – сухо заметил Большой, открывая передо мной дверь.

– Дай-то Бог, – шепчу себе под нос, о другом я даже боюсь помыслить.

Выхожу к машине и сбрасываю с себя третий по счету плащ.

Чертовы нищebroды. Совсем в зверюг превратились, ничего человеческого. Вон в притоне, как из помойной ямы. Дышать сложно.

Подхожу к машине. Достая канистру с бензином. Поливаю плащ чиркаю зажигалкой и кидаю ее на тряпку.

– Босс, – ко мне подлетает Рома, и уже не спрашивает как впервые раз, что я делаю, а сразу отчитывается о проделанной работе, – я всех опросил в приюте по соседству, – (я разочарованно вздыхаю: это уже третий) – но все идут в отрицалово. Двух бомжей с ребенком никто не видел.

– Я уже понял, Ром. А из под моста от Миши вести есть? – Рома оглянулся на мост, всматриваясь в темноту.

– Да Мишаня вроде должен был уже прийти. Пойду проверю, – Рома бегом направляется к мосту.

Даже отсюда было видно большой костер. И маленькие точки маячившие вокруг.

Я остался стоять на берегу. Недалеко от машины.

Холодает. Уже середина октября. Сердце сжалось в комок. В таких условиях новорожденному ребенку выжить по-

что не суждено. Горечь от этой мысли затопило грудь.

В этот момент послышался выстрел. Я вздрогнул. Глянул в сторону моста.

Чертовы застранны. Что за дерьмо?

Метнувшись к джипу (а если быть точнее медленно доковыляв) занимаю водительское место. Поворачиваю ключ в зажигании. Выворачиваю руль и даю газ в пол. Машина со свистом крутится на месте и когда разворачивается в нужном направлении трогаюсь с места.

Фары бьют вдаль широким потоком света. Переключаю передачу и выжимаю все на что способна машина. Мне необходимо попасть под мост прежде чем произойдет что-то неповторимое.

Когда оказываюсь на месте через несколько минут, бью резко в тормоз не доежая метра до железной бочки в которой полыхает огонь.

Тут же рядом с ней, сидит Миша согнувшись пополам, рядом с ним пистолет.

Рома держит за волосы старуху. Тычет ей в голову ствол.

Вылезаю из машины и прихрамывая, подхожу ближе. Пистолет держу наготове, направив на стайку бомжей, что сгруппировались за спиной парня. Шипят.

– Босс, эта тварь ранила Мишку, – задыхаясь от злобы рычит Рома.

А я перевожу взгляд на Мишу. Сжимаю волосы пятерней на макушке запрокидываю голову назад.

– Куда? – спрашиваю.

– В живот, – закашливается Миша.

– Ром, в машину его сажай. В больницу едим, – парень бьют бабу в затылок и бросает ее на землю.

Подхожу ближе. Старуха копошится в своих лохмотьях, как навозный червь. Подцепляю ее носком ботинка и поворачиваю на спину.

Патлы разлетаются в разные стороны и я замираю, вцепившись взглядом в ее лицо.

– Жив паскуда, – зло щерит она свой беззубый рот, – а вот деда моего из-за твоего ребенка убили! – завопила она во всю глотку. – Убивицы! Паскуды!

– Вот ты и попалась, дрянь, – хватаю старуху за волосы, и тащу к багажнику.

Боль простреливает позвоночник и ногу. Не обращаю на нее внимание.

Мозг анализирует всю картину молниеносно. Складывает все детали в полный пазл.

Моей девочки со старухой нет. И это, черт побери, плохо! Очень плохо! К горлу подкатывает ком.

– Отпусти меня, скотина! – верещит бомжиха царапая острыми ногтями кожу на запястье.

– Где моя дочь? – задаю вопрос и жду ответа с трепетом.

– Пошел ты к черту! – плюется и выкручивается из моего захвата старуха.

– Босс, – ко мне так во время подбегает Рома.

– Доставай мешок Ром. Она поедет с нами, – срывающим-ся голосом говорю парню задыхаюсь от боли и от дурного предчувствия.

– Насильники! Вражины! – продолжает вопить старая.

– Заткни ей что ли рот кляпом, – прошу Рому, а самого силы покидают так быстро, что боюсь свалиться на землю прежде чем удастся погрузить старуху в машину.

– Босс. Вы идите я справлюсь, – парень завязывает старухе рот какой-то тряпкой и накидывает черный мешок ей на голову.

– Дыру проделать не забудь. Она мне нужна живой, – сухо говорю парню.

А у самого в груди сердце рвется в клочьи, выворачиваясь наизнанку.

Умом понимаю, что ответ очевиден. Дочери нет.

Но я в это верить отказываюсь. До последнего.

С трудом переставляю ватные ноги подхожу к задней двери.

Перед глазами туман. В голове суматоха. Понимаю, что надо трезво мыслить. Успокоиться. Ведь в таком состоянии запросто можно упустить что-то важное из виду.

Делаю над собой усилие и забираюсь на заднее сиденье. В нос тут же ударяет запах крови. Черт, Мишку надо срочно в больницу.

Рома сегодня за водителя. Хотя крайний раз, я никому не позволяю сесть за руль. Доверить свою жизнь могу только

себе. В наше время доверие – это бесценный подарок, который мне еще ни разу не попадался. А играть в рулетку с судьбой я не привык.

– Ну и бабка упертая, – жалуется Рома устраиваясь на водительском сиденье.

– Давай Рома, гони. А не то Мишаня загнется.

А сам во рту под языком рассасываю обезболивающее.

Горький вкус отвратительного лекарства выжигает рот. Но водой не запиваю лишь потому, чтобы освободить от дурных мыслей мозги.

– Так что там произошло, Ром? – спрашиваю парня, который лихо выруливает с грунтовой дороги и выскакивает на шоссе подрезая встречные машины.

– Я сам не особо понял, босс, – парень не сводит глаз с дороги и он так напряжен, что не сразу выдает полную информацию с места событий, – я ж когда подбежал, Мишка уже с раной валялся на земле. А бабка ножом размахивала над его головой, как будто скальп хотела снять, – продолжил он и снова замолчал.

– А про деда? Она про деда что-то говорила. Убил его что ли кто? – всплыли в памяти вопли бабки.

– Да, но я ж у нее не спрашивал. Сразу в воздух стрельнул, чтоб бродяги разошлись. За Мишку страшно стало. Ведь так-то и расчленили могли бы.

– Бабка сказала, что за ребенком приходили, – слышался хриплый голос Михаила с пассажирского сиденья, – я сра-

зу понял, что нашли...

От слов парня я весь превращаюсь в один оголенный нерв. Каждое слово будто удар раскаленного прута по волокну, отзывается во всем теле. Заставляя вздыбиться каждый волосок.

– Дальше что? – не выдерживаю затянувшейся паузы, задаю вопрос.

– Она сказала, что нет у них ребен... – напряженное тело парня обмякло и он завалился набок.

– Чертова бродяжка! – звонкий голос Ромы оглушил.

Я подтянулся к парню ближе. Проверил на шее пульс. Слабый, но пульс был. Перехватив рукой ладонь парня зажимаю рану сильнее.

– Рома! – рычу на водителя.

– Босс до больницы две минуты. Успеем.

Парень выжимает педаль газа на полную.

Я закрываю глаза и молюсь о том, чтобы старуха в багажнике не откинулась раньше времени от страха.

У меня есть вопросы, на которые сможет ответить только она.

Михаила на каталке под капельницами сразу увезли в реанимацию.

А я зашел в туалет, чтобы немного отмыться от крови. Роман остался в регистратуре объясняться с приемной медсестрой.

Смыв с себя чужую кровь выхожу в коридор и нос к носу сталкиваюсь с Романом.

– Все. Я готов. Можно ехать. Мишку завтра проведу, – говорит парень быстро. Отчеканивая каждое слово.

– Надеюсь бабка не задела внутренних органов. Нож вроде не длинны был. Сейчас поедem к месту аварии. Хочу освежить старухе память. Не верю я в то что она не знает, где моя дочь.

Рома молча идет рядом и только кивает. Меня это злит.

Я знаю, что шансов найти ребенка мало, но все же даже если есть один процент из ста, я его хочу его использовать.

– Мне не дает покоя та фраза старухи, что кто уже приходил. Кто мог прийти, Босс?

– Вот для того чтобы узнать бомжиха нужна нам живой.

Прежде чем сесть в салон, Рома проверил жива ли наша пассажирка.

– Жива, – занимая место водителя ответил Роман.

– Надо поговорить с Генычем. Может его ребята уже поставили в известность, – произношу мысли вслух.

Набираю номер Большого Брата и в этот раз трубку снимает он.

– Генн, – только открыл рот, чтобы сообщить ему о том что удалось узнать, как в ответ Большой грозно рычит:

– Титов, что за подстава? Ты обещал, что все по тихому без кровопролития.

– Ты о чем вообще, Большой? Из моих ребят никто твоих

бродяжек не трогал...

– Что ты мне гонишь Титов. Два приюта выкосили под ноль. Все мертвы. Мои пацаны в шоке. Чем тебе эти все бродяги помешали?

– Стоп Геныч. С моей стороны все честно. Мы твой сброд не трогали, – останавливаю гневный поток Большого Брата.

– Тогда кто? – зло шипит тот.

– Хотел у тебя спросить, – отвечаю ему.

– Говорю же все мертвы. Все, до одного. Я сразу понял что это ты.

– В Капотне возле Южной Рокады остались те, кто может что-то рассказать. Там моего парнишку пырнули твои “мирные” бродяжки.

– Черт, что произошло? – изменился в голосе Геныч.

– Я сам ничего не знаю, – про бабку в багажнике решил пока ничего не говорить, – мы когда туда приехали, там уже мочканули одного из бомжей. Поднялся шум и во время драки пырнули моего парня.

– Черт! Сейчас туда ребят пошлю. А ты лучше сегодня больше не суйся в приюты. Вести разнесутся быстро. На “радушный” прием можешь не рассчитывать. Да и вряд ли теперь ты сможешь найти этих бомжей. Спрятались где-нибудь в подвале, и не выйдут пока все не успокоится.

– Воспользуюсь твоим советом Большой, – согласился я.

С Генычем все стало понятно сразу. Теперь на его помощь рассчитывать нечего. Если вдруг старуха запротивится. При-

дется копаться в этой помойной яме самому.

– Пока мы с тобой раскатываем по больницам и бомжей катаем, – кинул я Романе, – дело приняло более масштабные обороты. Ты отозвал наших парней?

– Да, сразу. Как только понял, что старуха нашлась. А что там? – полюбопытствовал парень.

– Оказывается два притона бродяг вырезали всех до единого. И Большой мне за это предъявил претензию.

– Он что-то попутал Босс?! – хмыкнул Роман. – Возможно он своих попрошайек с кем-то не поделил? Вот те и решили таким образом наказать его. Совпадение.

– Кому удобно свалить все на совпадение так бы и сделали, но я в них увы, не верю, – Рома промолчал, а я задумался.

Возможно, если следовать мышлению Ромы, то вариант с тем что у Геныча могут быть и свои терки с конкурентами имел место быть. И то что именно мой “знакомый” дед попал под раздачу тоже могло быть совпадением. Но эти все доводы не для меня. Я в них не верил.

Когда Рома свернул с трассы на грунтовку мной одолело нетерпение.

До места аварии оставалось около километра, а у меня уже зудело в пальцах рук, так хотелось выволочь бабку из машины и немедленно и устроить ей допрос с пристрастием.

Когда я решил ехать сюда: оглядываю очертания темного пролеска – не думал, что во мне всколыхнется хоть что-то,

напоминающее об аварии. Ведь сейчас я был полностью поглощен поисками дочери.

Не угадал.

Щелчок в мозгах. И память выкинула меня в тот проклятый день.

Я даже на физическом уровне почувствовал ту боль, которую ощутил тогда.

И снова боль утраты стянула грудь так сильно, что тяжело стало дышать.

Пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

– Босс, – окликнул меня Роман.

А я на не сгибающихся ногах подхожу к багажнику и не церемонясь вытаскиваю оттуда старуху.

Та громко мычит. Сопротивляется.

Но я жестоко придавливаю ее тщедушное тело ногой к земле и стаскиваю с верхней части туловища пакет.

На улице темно, оттого глаз бабки не вижу.

Тогда беру ее за шкурку и одним рывком поднимаю на ноги.

Спину мгновенно простреливает тупая боль. Ничего терпимо.

Старуха все продолжает биться в моих руках, а я тащу ее к свету фар. Мне важно чтобы это бродяжка видела мои глаза, когда я буду говорить.

Когда мы оказываемся в потоке рассеянного света фар, я перехватываю ее за ворот. Сжимаю сильно, чтобы у нее не

оставалось сомнений, если будет врать придушу.

– А теперь прежде чем я сниму с твоего рта кляп. Я задам вопрос, на который советую тебе дать правдивый ответ. И если я вдруг почувствую ложь, то будешь сегодня своей плотью кормить рыб на дне реки. Усекла?

Я вижу, как глаза бабки горят ненавистью, а лицо коробить ярость, но она делает усилие над собой кивает головой.

– Ты знаешь за чем я тебя сюда привез верно? В памяти освежилась картинка?

Бабка кивает головой.

– Вопрос первый: куда ты дела мою дочь? Ответ мне нужен максимально развернутый. Все цацки, что вы тогда стащили оставишь себе. Мне нужен только ребенок. Поняла?

Бабка закрывает глаза. Кивает.

Сдергиваю с нее кляп. Старуха разлепляет глаза и я замечаю в них адское пламя гнева. И слишком поздно понял, что задумала эта старая дрянь.

И как эта паскудина смогла изловчиться, чтобы цапнуть меня руку - я не понял.

– Ах, ты тварь! – толкаю ее на землю, хватаясь за место укуса.

А ей видимо только это и было нужно.

Она вскакивает с земли и бросается бежать так быстро, что даже своим глазам не поверил. Старики так не бегают, это точно. Да и зубов я точно помню у этой бомжихи не было.

– Ай! Ай! – раздается женский вопль из темноты и я ста-

раюсь быть таким же быстрым как Роман, прихрамывая иду за ними на звук.

Но далеко идти не пришлось. Рома уже через несколько секунд вытащил бабку снова на свет. Толкнул за землю.

Я присел рядом с ней на корточки. И достав ствол, ткнул им старухе в лоб.

– Игры закончились, – цежу сквозь зубы. – Кто ты? – показываю на укус, где отпечатались все тридцать два зуба.

– Иди к черту! Придурок! – плюется она.

А я понимаю, что из ее голоса исчезла старческая хрипотца.

С силой давлю ей дулом в лоб и сдергиваю затвор:

– Считаю до одного. Раз ... – медленно вжимаю палец в спусковой крючок.

– Уроды! Все уроды! Ненавижу! вас! Аня, меня зовут Аня! Я не бабка Глафира! – кричит бабка, которая и не бабкой оказалось вовсе.

Глава 7

– Вот те раз, – я ошарашенно смотрю на “старуху”, потому как назвать ваяющее существо перед собой девушкой не могу, – а где бабка тогда?

Старуха-девчонка дышит часто глубоко. Раздумывает, говорить или нет.

– Тебе лучше во всем сознаться Аня, – я подтолкнул ее к правильному принятию решения, – у тебя просто нет другого выбора.

– Расскажу я все. Жалко что ли. Только ствол убери. Не нужен он. Думаю бабке Глафире уже все равно. Убили ее вместе с дедом, – девочка отвела рукой пистолет и чуть отползла от меня. Встала.

– Что ты имеешь ввиду? – меня бросило в холод.

Неужто мой шанс на благополучные поиски дочки уничтожен.

– А то что слышишь. Убили их. И когда явился твой этот бугай. Я подумала, что нас сейчас всех порешать, как в двух других приютах. Вот и кинулась на него, – я смотрю на девчонку и слова сказать не могу, внутри все словно мертвым стало.

– А что они от Глафиры хотели? – поинтересовался Роман.

– Про ребенка выпрашивали. Прямо вот как вы. Бабка

Глафира в отказ сначала шла, но когда на ее глазах деда пытаться стали, проговорила.

Я весь напрягся. Я уже не знал что я хочу услышать, а что нет. Но точно для себя решил, что должен узнать правду какой бы она горькой не была.

– Что она сказала? – мой голос от напряжения стал высоким, натянутый.

– Какой шустрый, – хмыкнула девчонка, и я понял, что она уловила важность той информации которую я от нее жду.

– Послушай меня, Аня, – я подступился к девчонке на шаг ближе, – не советую тебе со мной играть. Как видишь на моем лице нет ни малейшего намека на веселье. Моя дочь пропала неделю назад...

– Да все с твоей дочкой нормально, – отмахнулась она, – хотя по тому как были настроены убийцы бабки Глафиры и ее деда. Вряд ли они пожалеют девушку, которой Глафира продала ребенка. Ой! – девчонка закрыла рот руками, осознавая что сболтнула лишнего, слишком поздно.

– Продала?! – вырывается изо рта рык.

– Кому продала? Что за девушка? – тут же подключается Рома и видно как девчонка-бродяжка теряется под нашим двойным напором.

– Да не знаю я. Глафира что-то говорила про то, что в роще возле детского дома ее встретила. Хорошенькая она говорила. В платке старинном, бабушкином была. Она сразу поняла, что девка годная, – Аня замолчала перевела дух.

– И что дальше? – запугивающее сердитым голосом продолжает напирать Роман.

– А куда ей ребенка девать? А в машине она побоялась его оставлять. Не было никого, только собаки бездомные. Вот и забрала младенца. Глупая старуха, – добавила уже от себя Анна.

– Кто эта девушка в старинном платке? – задаю тут же вопрос, меньше всего мне сейчас хочется слушать девчачьих умозаключений и больше всего, найти мою дочку.

– Да что ты заладил: кто да кто?! Почему мне знать? У Глафиры кошелек был, который она выхватила у девушки, его убийцы забрали. А потом и того... – она провела по горлу большим пальцем, – ее пришили, – у девушки в глазах плескался ужас, – он ее так страшно убил. Вы бы только видели. Мы все так перепугались.

Она обхватила свои плечи руками сжалась.

– Кто он? – толкаю ее в плечо стволом пистолета, так как она зависла на несколько секунд.

– Да почему я знаю, – взмахнула она рукой, отбрасывая пистолет в сторону, – он в шапке был. И на подбородок с носом шарф натянут. Только глаза видны были. Темные, как адова коптильня.

– Чтонибудь еще про девушку можешь вспомнить, которой старуха младенца продала?

– Нет, больше ничего, – покачала головой девушка.

– Ладно. Этого вполне достаточно, – бросаю Роману, – на-

до пробить что тут за детский дом есть в окрестности. Директора найти. Нужно делать все быстро. Иди на опережение. Не могу в толк взять кому еще могла понадобится моя дочь? – бубню под нос.

– Если все сделать грамотно, – подал голос Роман, видимо услышав мои последние слова, – мы можем убить двух зайцев сразу, – запнулся.

Осознал что сравнил не сравнимое.

– Босс, я не хотел, – виновато произнес парень.

Перебрасываясь с Романом рабочими фразами, я совсем забыл об Ане – бродяжке. И уже когда мы погрузились в машину, она вдруг подбежала к двери постучала в нее. Роман открыл стекло.

– Про меня забыли, – жалобно пискнула девчонка, – доведите хотя бы до города.

И куда все делать дерзость и независимость?

– Эти вопросы к Боссу, крошка. Но от тебя так фонит, что извини аж глаза режет.

– Да это не вопрос, – девчонка скользнула ладонями под лохмотья, пару секунд поковырялась (расстегивалась видимо) и сорвала с себя тряпье бабки Глафиры, сбросив их на землю, оставшись в короткой куртке и штанах защитного цвета, – я нарочно ее одежду одела, чтобы не светиться.

– Босс? Так возьмем или как? – спрашивает Роман заранее догадываясь и стреляя глазами в зеркало заднего вида, что я разрешу ее довести.

– Пусть садится, – девчонка молниеносно обежала машину и хотела забраться на переднее сиденье, когда Роман отрицательно покачал головой и кивнул ей, указывая садилась назад.

Дверь распахнулась и я почувствовал запах нечистот, которым напиталась одежда бродяжки от лохмотьев старухи.

– Я вас не стесню, – пообещала Аня и забравшись в машину села прижавшись к двери.

– Ну с Богом. Тронулись, – пробасил Роман трогаясь с места.

– Что еще ты помнишь? О чем рассказывал старуха? – немного развернулся к бродяжке корпусом. – Или возможно убийцы упоминали какие-то имена? Они точно искали младенца?

– Ну кроме как о ребенке они у Глафиры больше ничего не спрашивали, – пожалла девчонка плечами.

– Ром сделай потеплее. Промерз я что-то, – попросил водителя.

– Но если старуха им все рассказала, так зачем они ее убили? – это был провокационный вопрос и я сразу улавливаю как плечи девчонки напрягаются и она сжимает пальцами ручку двери.

Прищуриваю глаза, сверлю Аню взглядом.

– Аня почему убили Глафиру? – мой голос дребезжит в тишине салона.

От чего девчонка вжимается в дверь еще сильнее. Зажму-

ривает глаза, стискивает челюсть, но нижняя губа не поддается контролю начинает дрожать.

– Старуху убили вы? Так? – девчонка не долго боролась с собой, и в какой-то момент она сломалась.

– Она сама виновата, – сказала чуть слышно девчонка, – хвалилась перед всеми деньгами, которые ей дал чужак. Как вы догадались?

Она посмотрела на меня глазами-блюдцами в глубине которых плескалась боль вперемишку с ужасом.

– Потому что Аня. Я взрослый дядя, который сразу распознает ложь, даже в таких маленьких и изворотливых врушках как ты.

Девушка громко икнула. Закрыла рот рукой.

– Так как же мне добиться от тебя правды, Аня? – растягивая каждое слово, давая девчонке время подумать.

– Я устала так жить, – наконец-то решается Аня на откровение, это ясно читается в ее глазах, – каждый день, как день сурка. Я больше так не хочу.

– А что ты хочешь? – смотрю ей сурово в глаза.

– Чтобы вы мне дали денег на новую жизнь. Я знаю что у вас много денег. Глафира сказала, что когда они с дедом Агафоном заметили ваш искореженный джип, сразу поняли, что сорвали куш и старость они смогут дожить в сытости. Конечно же обокрали вас. Но наличных как оказалось при себе у вас было не много. Зато драгоценностей оказалось столько, что и деньги не нужны. Они забрали все ценной, что

можно было утащить.

– И младенец им тоже показался ценностью? – зло рычу на ее слова.

– Как оказалось да. Они развели какую-то девчонку в лесу. Ну я вам уже говорила. Глафира рассказывала, та как увидела ребенка, так обо все и забыла и бабка всучила ей ребенка в руки, а денежки из рук выхватила и деру с дедом дала.

– А младенец был жив? – я чувствую, как у меня кровь по вена разгоняется в миллисекунды и сердце начинает стучать в несколько раз быстрее.

Я боялся услышать ответ на вопрос.

– Да ты меня как будто не слышишь! – возмущена моим вопросом бродяжка. – Почему мне знать? Бабка говорила вроде живой. Но внимания на этом не заостряла, – отмахнулась Аня, так как будто я ей задал самый банальный вопрос.

Мне большего и не нужно было ничего. Я услышал то, что мне важно знать. Я наконец-то смог немного расслабиться. Выдохнуть. Хотя бы на пять минут.

Надеюсь у девушки, которая купила ребенка, не куриные мозги, и она первым делом должна была отдать мою малышку в полицию.

– Ром, а найди мне телефон майора Плешакова. Пусть-ка он для нас пробьет информацию по своим базам. Может где-то был принят брошенный ребенок? И мы не там ищем?

– Глафиру с дедом убил Морж. Наш главарь. Он и забрал у нее все деньги, который ей заплатил чужак, – продолжила

Аня, но я уже не слушал ее, я уже мысленно отправился на поиски моей дочери.

– Вот Босс, его номер, – Роман мне протягивает свой телефон на котором высвечена разъятая рожа Плешакова и под ней телефон.

– Вот это он кабан. Еще годик побудет на посту и все можно будет забыть о нем, – комментирую фото, одновременно набирая телефон Максима.

– Почему? – отозвался Роман.

– Сердце не переживет такого ожирения...

– Майор Плешаков. Слушаю, – отчеканивать в динамике глубокий грудной бас.

– Это Титов вас беспокоит, майор Плешаков, –также чеканя каждое слово в тон отвечаю ему.

– Титов ... Богдан? Ты что ли? – в голосе бывшего однокашника слышу интерес.

Мы с Максом обмениваемся несколько минут любезностями. Справляемся о здоровье друг друга, родителей, когда доходим до семьи, я замолкаю слушая как распинаятся Макс.

– Ну, а что как у тебя? Батя наверное невесту на загляденье нашел? Помню как он от тебя постоянно девок гонял, – веселится, вспоминая былое Максим.

– Да не все так радужно Макс. Я к тебе собственно по делу звоню. Беда у меня.

Мой рассказ уместается в двух предложениях. От которых у самого стынет в жилах кровь, не то что у окружающих.

– Бро, это капец какой-то. Ты там держись Богдан. Через минут десять отзвонюсь. Если твоя малютка была зарегистрирована хоть в одном из отделений полиции... Мы найдем ее в течении получаса.

Искренне поблагодарил Макса, отключился.

– Вы думаете найдут ее? – Роман смотрит в зеркало заднего вида мне в глаза.

– Предчувствие подсказывает, нет, – качаю головой.

Макс позвонил много позже десяти минут.

Мы за это время успели добраться до города.

Высадить Аню-бродяжку возле хостела. Денег, сколько просила девчонка я не дал.

Она сама не понимала того, что большие деньги в ее кармане это точная смерть. Зато разрешил ей прийти ко мне в офис. Напрямгу отдел кадров, пусть поищут ей какую-нибудь работенку.

Заехали в гараж. Поменяли машину. Терпеть вонь, которой пропитался салон у меня не было больше сил.

Выезжая из гаража, Роман зарулил к МакДональдсу, чтобы взять себе кофе. Я предпочитал пить воду. Пойло из быстрого питания не мое.

Смотрю на часы, так часто, что уже кажется, что я за ними слежу.

Макс с ответом задерживается уже на час. Решаю ему набрать сам. Но только стоило подумать об этом, как телефон будто подслушав мои мысли выводит на экран фото Плеша-

кова. Звонит.

– Я уже и не думал тебе услышать, Макс, – в моем голосе скользит недовольство.

– Так я ж для тебе старался Титов. Привык делать все на совесть. И пусть тебе будет стыдно, что в таком тоне разговариваешь со мной.

– Да, ладно тебе Макс. Я раздражен, потому как до сих пор не могу найти ни одной зацепки.

– Значит не там ищешь Титов. Так вот слушай. В полицию и больницы детей с припиской “найденныш” не поступало. Завтра нужно будет пробить детские дома и дома малюток. Они составляют акты примерно сутки. А уж если прошла неделя...

– Две, – перебиваю его.

– ... тем более, тут напрашивается только один вывод: акта о приеме ребенка нет! – восклицает Плешаков.

Я молчу, перевариваю информацию.

– Приходи Титов в участок. Лучше завтра и пиши заявление. Объявим твою дочь в федеральный розыск. Я поспособствую, – предлагает Максим.

– Я хочу еще одно место пробить Макс.

– Говори Богдан. Чем смогу тем помогу. Не каждый день ты ко мне с такой бедой обращаешься.

Спустя десять минут, пока Роман пил кофе, Макс скинул мне инфу по детскому дому, что находился в десяти километрах от места аварии.

Я когда представил, как все это расстояние бомжи тащили моего ребенка под мокрым снегом: по спине табуном поползли мурашки от плеч к пояснице концентрируясь в паху. Сжимая все внутренности.

Глянул на часы: половина двенадцатого, слишком поздно для звонка. Единственный кто может снять трубку это вахтер, и то верить с трудом.

– Босс, если желаете мы можем съездит в детский дом. Глядишь, до кого-нибудь да достучимся.

– Надо немного подумать Ром. Тут бессмысленные телодвижения не к чему, – я замолчал, прислушиваясь к голосу разума, – я думаю, тот кто наступает нам на пятки, а точнее мы ему, уже побывал в детском доме и возможно разузнал всю информацию о девушке. Нам нужно кровь из носа узнать адрес директрисы и навестись к ней. Лично. Только тогда у нас может получиться его опередить.

– А майор Плешаков разве не располагает подобными полномочиями? Он не может нам выдать адрес этой директрисы?

Я задумчиво перелистываю фотографии, которые мне прислал Макс. А ведь Роман правд. Как я мог упустить это из вида.

Пишу смс Плешакову.

“Нужен адрес директрисы. В долгу не останусь.”

Ответ от майора прилетает мгновенно. И конечно же в смс значится не только адрес проживания Миловиты Родионов-

ны, но и ее телефон. В ответ написал короткое “спасибо”.

Ох и Плешаков! Ох и сукин сын!

Сразу не выслал адрес. Хотя знал что он мне будет нужен. Дождался пока сам в должники напрашусь.

– Ну, что Роман. У нас есть адрес и телефон. Звонить не вижу смысла. Чего тетку пугать бестолку? Лучше воспользуемся моментом неожиданности. Нагрянем в гости без звонка. Может пользы больше будет, – диктую адрес парню, тот сразу забивает его в навигатор.

– Думаете успеем раньше?

– Будем надеяться удача на нашей стороне.

Стодолларовая купюра творит чудеса. Работяги никогда не прочь подзаработать на чужих просьбах. Вот как сейчас. Подъехали по адресу, а тут закрытая территория. Охраняемые ворота. Правда оказались охраняемыми они недолго. Охранник нам без лишних вопросов дал въехать во двор, в обмен на зеленую шершавую банкноту.

– Вот поэтому я и не живу в квартире, Ром, – комментируя вслух поступок охранника.

– Дык не везде же так, Босс.

– Почти везде, только туда куда сложнее попасть, денег нужно дать намного больше, – пока я говорю Роман аккуратно подъезжает к нужному нам подъезду, останавливается напротив.

Зайти в подъезд оказалось плевой задачей. Причем от-

крыла нам его сама же Миловита Родионовна.

– Значит в гостях у нее никого не было. Не напуганная, – произносит вслух мои мысли Роман.

За считанные минуты мы поднимаемся на этаж. Я закрываю глазок, нажимаю звонок.

Женщина к двери подходит практически сразу, вот только дверь открывать не торопится.

– Кто там? – деловито спрашивает она.

– Это курьерская доставка. Я вам только что звонил, – отвечает Роман, так как его голос звучит моложаво, мягко.

– Я не заказывала ничего, – в голосе женщины слышится сомнение.

– Женщина, я долго стоять не буду. У меня указан ваш адрес и подарок. Велено доставку совершить, – более настойчиво и резко начинает говорить Роман, – если не нужна посылка, я конечно отвезу ее назад, но все издержки оплатите вы, – Роман говорит так уверенно, что невольно и я ему мог бы поверить если бы не стоял рядом.

– Ладно, подождите, – сдалась женщина и я слышу щелчки замков с той стороны двери.

– Бесстрашная. Время полночь, а ей хоть бы что, – шепчет Роман.

– Покажите молодой человек путевой лист и посылку, – приоткрыв небольшую щель двери требует женщина в этот момент я что есть сил дергаю дверь на себя, вырывая к чертям собачьим хлипкую цепь.

– Слабовата защита вам не кажется? – задаю директрисе вопрос и прежде чем та открыла рот чтобы заверещать на-вожу на нее ствол. – А вот этого делать не нужно Миловита Родионовна.

Женщина широко открыв рот стоит и тупо хлопает глазами.

– Что...что .. вам ...нуж..но? У меня .. сов..сем.. ни..че..го нет? – она закрывает свою огромную грудь руками и я прыскаю со смеха.

Смеюсь безудержно долго. До слез. Так давно не смеялся. Но умом я понимаю что это откат. Отпускает меня державшее на пределе напряжение.

– Ох, все. Все. Мила дайте воды, – отсмеявшись прошу женщину.

– А бойше ничего не дать? – упрямится она, и я только сейчас замечаю у нее странный дефект речи.

– Ладно. Ладно. Сам справлюсь, – я только собираюсь вступить в святую святынь всех женщин, как мне тут же преграждает путь грудастая Мила.

– Я сама налью вам воды, – соглашается вдруг она смиренно.

– Ну, у нас есть к тебе разговор Миловита Родионовна. В дверях же держать не будешь? – я подталкиваю женщину к кухне и сам иду за ней след в след, щекотя дулом пистолета мясистый бок.

– Что вам нужно, господа в двенадцать часов ночи от оди-

нокой скромной женщины? – включает инстинкты самосохранения директриса, старается быть угодной, ласковой.

– Немного. Только ответы на несколько вопросов. А точнее даже на один.

Я захожу на кухню вслед за ней и усаживаюсь за шикарный кухонный гарнитур, занимающий немалую часть кухни.

– А не такая ты уж и скромная, для директрисы то детского дома?! – делаю замечание и мы переглядываемся с Романом.

– Ой, ну что вы, – кокетливо жмет плечами, – это все благодаянные родители меня балуют подауками. Мелочь, а приятно, – врет барышня и не краснеет, ну да ладно, не нам ее судить, – так о чем вы меня хотели спустить господу?

Женщина поворачивается к нам, с двумя стаканами воды.

– Ладно оставь. Иди присядь, – киваю ей на стул, что стоит напротив, – Ром налей воды.

Парень оказался очень шустрым и прежде чем директриса хоть как-то смогла остановить его, парень уже открыл шкафчик, где должны были храниться стаканы. Но вместо посуды, там лежали деньги.

– Ого, у тебя открыт личный счет в шкафчике для хранения посуды? – не удержался от сарказма.

– Не ваше дево! – зло рыкнула женщина подскочив к шкафу громко захлопнула дверь. – Говоите что хотели и пвова-ливайте. Мне спать пора. Завтра на работу вставать рано!

– Да, ладно не кипишуй ты так женщина, – Роман все таки

взял кружку, налил из фильтра воды, передал мне.

– Про девушку я у тебя спросить хочу, – промочив горло начинаю я.

– Так спрашивай скорее чего тянешь? – сложила на груди руки директриса.

– Примерно две недели назад в ваш детский дом приходила девушка. Из примет только шарф старинный. Бабкин что ли... – я только прокручиваю мысли в голове, чтобы еще такого вспомнить, о чем говорила Аня, когда:

– Это Настасья скорее всего. Она только у нас в пвuatке бабкином ходит. Боуйше никого не помню, – почесала лоб женщина, со стороны кажется, что она активно думает, – а зачем она вам? Что то натвоурива?

Вздернул бровь.

– Отнюдь нет. Я надеюсь. А что были какие-то посылы? – встаю с дивана, расправляю колени.

– Возможно. Она как отказ об удочерении повучива. Боуше в детском доме и не появлялась.

– А она там работает? – зачем задаю эти лишние вопросы сам не пойму, мне плевать что там было с этой Настей и ее судьба меня совсем не трогает. Я хочу узнать только одно, где моя дочь. Но что-то останавливает меня, тормозит на месте.

– Нет конечно. Она волонтером к нам приходива. За детишками присматривола, – отвечает директриса.

– А что ж не дали удочерить? Раз она такая деятельная? – черт, прикусить бы уже язык надо и ехать по добру поздно-

рову.

– Да, кто ж одинокой девушке, не имеющей своих детей доверит малютку. Это же сразу на сиротке крест ставить можно?! – вскинулась директриса.

– Ладно-ладно не расходишь, Мила Родионовна. Адресок ее черкни и если есть, телефончик, – двумя пальцамидвигаю по столу две стодолларовые купюры.

У директрисы аж в глазах загорелось.

– Ну зачем же денежки портить чернилами, – хитро улыбается, директриса перехватывает купюры и аккуратно складывает пополам, – сейчас вернусь, – исчезает за дверями кухни.

Киваю Роману, чтоб проследил. А то вдруг тетке в голову взбрендет позвонить куда не нужно. А нам таких сюрпризов не нужно.

– А вот и адрес и телефон, – недобро косясь на Романа проходит мимо него директриса, – но только вы с девочкой поаккуратнее. Она сейчас должно быть находиться в жутком стрессе.

Глава 8

Я проснулась от тихого кряхтения у себя над головой.

С ужасом открываю глаза, сажусь в кровати ошалело оглядываясь.

– Кто здесь? – всматриваясь в пустоту спрашиваю с про-
сони.

Но через секунду я возвращаюсь в реальность и понимаю что это сопит Лерочка.

Я специально поставила кроватку изголовьем к свое подушке, чтобы лучше слышать малышку. Я две ночи не сплю нянчусь с малышкой.

Моя крошка третий день капризничает и ведет себя странно. Вот и сейчас только глаза успела закрыть, а она не спит ворочается.

Я встаю с кровати подхожу к малышке и склоняюсь над ней, дотрагиваюсь губами до ее лобика.

– О, Господи! Да ты вся горишь!

А я ведь знала, задумывалась над тем, что проведенная с бомжами ночь, рано или поздно даст о себе как-то знать. Вот этот момент и наступил.

Достаю электронный градусник из чехла. Беру малышку на руки и вставляю узкую часть ей в ротик.

– Что же делать? Что же мне делать? – смотрю на часы, половина двенадцатого. – Если вызвать скорую, то нас непре-

менно заберут. Не оставят ребенка с высокой температурой дома. Но тогда мне нужны будут документы на Леру, а у меня их нет. И нет ни одной подтверждающей бумажки о том, что это мой ребенок.

Меня будто кипятком ошпарило.

Я только сейчас осознаю, какую глупость совершила пойдя на поводу у своих эмоций.

В голове мгновенно проносится каскад разнообразных картинок из моего ближайшего будущего. И кроме тюремной решетки я на них ничего не вижу. Жуть.

Меня бьет крупный озноб. Достая градусник после характерного сигнала и с ужасом взираю на цифры, которые вижу на нем: 38,9.

Слезы горячими каплями покатятся по щекам. Я себе никогда не прощу если с малышкой что-то случится.

Лихорадочно вспоминаю, что нужно делать при высокой температуре, но кроме как обтирание уксусом и принятие жаропонижающих средств ничего на ум не приходит. И конечно же скорая. Трясущимися пальцами, набираю 03.

Как буду выкручиваться пока не знаю. Но другого выхода нет. Малышке явно моей помощью мало.

Я слышу в динамике короткие гудки.

– Что происходит? – смотрю на экран телефона.

“Сеть занята”.

– Что за ерунда? – снова набираю номер и снова отбой.

Меня кидает в панику. Что за подстава. Мне скорая нуж-

на! Срочно! Почему нет сети?

Я суется бегая по комнате с телефон в вытянутой руке.

– НУ же лови! Лови! – но все бесполезно.

Сигнала нет.

В голове возникает безумный план. Выйти на улицу и там попробовать поймать сигнал. Но малышку бросить одну на столько долго я не смогу. Но и с собой на улицу взять тоже не вариант.

– Нина, у меня же есть Нина, – с облегчением выдыхаю.

Нина это соседка снизу. Одинокая женщина, которая не может определиться в своих “хочу” и “надо ли”. Мы с ней неплохо общаемся. Надеюсь она сейчас не спит. Ведь для нее время совсем детское.

Расстилаю на кровати одеяльце, кладу в него Лерочку.

Быстро накидываю кофту на плечи, а потом заворачиваю Лерочку.

Малышка недовольно сопит. Но потом вдруг шмыгает носиком и захлебываясь мокротой начинает громко кашлять. Поднимаю ее столбиком бью по спинке.

– Господи! Господи! Помоги! – плачу горько.

Чувствую себя последней сволочью и негодяйкой. Ведь именно я виновата в том, что малышка после переохлаждения не получила должного осмотра.

Когда Лерочка немного успокаивается. Я выбегаю из квартиры, даже не позаботившись о том, чтобы захлопнуть дверь на замок, спускаюсь этажом ниже.

Звоню. Звоню.Звоню...

– Настя ты чего так поздно? – дверь с шумом открывается и на меня тревогой и испугом в глазах смотрит Нина. – Ого! Ребенка украла и теперь скрыться у меня хочешь!? – вмиг просыпается Нина видя мое лицо и ребенка на руках.

– Почти, Нин. Помоги, а?! – я протискиваюсь между Ниной и дверным косяком вхожу в квартиру.

– Но я не одна, – улыбка Нины становится шире, а я замираю на месте.

– Я не помешаю? – спохватилась и пячусь назад.

– Да нет не переживай, – хмыкает Нина, – я с ним только несколько часов назад познакомилась, представь. Возле нашего подъезда подобрала, – доверительно шепчет мне девушка.

А у меня от нехорошего предчувствия по спине мурашки холодной змеей поползли.

– Что значит возле подъезда, Нин? Он что овощ какой? – с иронией заметила ей.

– Да нормальный он. Хочешь пойдем познакомлю? – Нина подхватывает меня под руку. – А ребенок откуда?

– Все потом расскажу, – выдергиваю руку и возвращаюсь обратно к двери, – мне сейчас Нин не до знакомств. У малышки температура. Мне нужно вызвать скорую. А мой телефон заглохло, показывает связи нет.

– Так давай я вызову, – спохватилась Нина.

– Я к тебе за этим и спустилась. Просто малышку не мог-

ла одну дома оставить, – с тревогой взглянула в Лерочкино личико.

– А что говорить то? – шепчет Нина, когда слышу что в трубке гудки пошли.

– Скажи у новорожденного ребенка температура....

– Нина, у вас все хорошо? – долетел до моих ушей грудной голос, от которого коленки задрожали, столько в нем было холода и опасности, что мне тут же захотелось убежать.

– Да Алексей, все хорошо, – деланно беззаботно отвечает ему Нина, и я сразу понимаю, что соседка хочет ему понравится, странная она Нинка, вроде и к мужикам ластится, а замуж не идет, – у соседки тут беда небольшая с ребенком.

Я от неожиданности, что она вставит меня в свой с ним диалог выпучила на нее глаза. Замахала головой отрицательно.

– Ты что? – кручу возле виска пальцам. – Молчи, т-ссс.

– Так если нужна помощь, я могу помочь. Что случилось? – я слышу как его голос приближается, значит он идет к нам.

Я суечусь возле входной двери. Лерочка начинает хныкать.

– Мне не нужна помощь! – крикнула в направлении коридора. – Мы уже уходим! Ну ты Нинка и подставила меня, – шиплю на соседку, и тут в телефоне раздается голос диспетчера, Нина смотрит на меня не понимая ничего, – называй мой адрес.

Я выскакиваю за дверь прежде чем в коридорном проеме

появляется обладатель страшного голоса.

– Настя! – догоняет меня голос Нины на лестничной площадке и я чуть не спотыкаясь о ступеньки замираю на месте.

Вот зачем. Зачем она назвала мое имя!

– Скорая приедет скоро, жди! – кричит соседка.

А я спохватившись, поднимаюсь в квартиру и закрываю дверь на несколько замков. Дыхание сбивает об бега. Я залетаю в комнату и укладываю Лерочку в кроватку. Разворачиваю края одеяльца оглядываю девочку.

– Ты моя хорошая, – глажу ее по пухленькой огненной щечке, – кажется нам с тобой еще немного осталось быть вместе, – на глаза наворачиваются слезы, отчего силуэт малышки искажаясь задрожал перед моим взором.

Промокнула кончиком одеяльца влагу.

– Потерпи еще немножечко моя хорошая. Помощь уже в пути, – вспомнив про обтирание, побежала на кухню.

Налила кипяченой водички в миску. Достала чистую салфетку, вернулась обратно в спальню к Лерочке.

Аккуратно освободив тельце малышки от одежды, начинаю протирать ее ручки и ножки, тихо напевая песенку.

Внешне стараюсь подавить слезы, нечего плакать, сама виновата. Знала, что рано или поздно этот момент наступит.

Я прокручивала в голове ответы на предполагаемые вопросы, которые мне зададут врачи. И все больше склонялась к тому, что версия с подругой, которая оставила на меня ребенка самая подходящая.

Несколько раз повторила заготовленную речь про себя.

Все должно выглядеть как можно правдивее, а уж дальше пусть медики решают сами.

Если решат, что я могу сопровождать малышку в качестве тети, то так и поступим. Поеду с ними, а как будет дальше... разберусь по ситуации.

А если не согласятся взять меня с собой?...

Нет! Я отмела этот вариант... Я не могу бросить Лерочку в таком состоянии одну. Пусть что хотят со мной делают, но одну ее я не позволю забрать и буду с ней до самой последней секундочке. Пока не уверюсь в том, что моя малышка попадет в руки к хорошим людям.

Мои тяжелые мысли прервал звук сирен подъехавшей скорой помощи.

Я выпрямилась над кроватью и побежала к двери. Все старалась делать максимально быстро. Не на минуточке не хотела оставлять Леру одну.

Сердце колотилось как сумасшедшее. Паника накатила на меня такая, что зубы задрожали от волнения и тревоги.

Распахиваю дверь и ...

Мой взгляд упирается в широкую грудь, обтянутую мягким кашемиром.

Шумно сглатываю застрявший где-то посередине пищевода комок воздуха и медленно поднимаю глаза.

На меня сверху вниз смотрят два темно-синих глаза, в

обрамлении черных густых ресниц, идеально подкрученных кверху, на идеально красивом лице.

— Я пришел за своей дочерью, — огорошивает меня он и теперь мне этот мужчина не кажется красивым, он меня пугает.

Мужчин отодвигает меня в сторону, и я вижу что за его спиной стоит еще один, только парень намного моложе.

— Здесь нет вашей дочери. О чем вы? — сердце очумело от страха и готово вот-вот выскочить из груди, но я сделав усилие над собой, осмеливаюсь и преграждаю ему путь.

— То есть, это не ты купила ребенка у бомжихи две недели назад? — зловеще цедит сквозь зубы мужчина нависая надо мной.

Меня будто молния стукнула в голову. Оказывается, оказаться в тюрьме — это было не самое страшное. Самое жуткое происходило сейчас. Откуда он узнал о том, что я отдала за Лерочку деньги? Он что нашел этих бомжей?

— Я... я не покупала... — заикаясь и сжимаясь под его взглядом в комочек, шепчу еле слышно.

— Врешь, — рычат мужчина и, оттолкнув меня в сторону, проходит в коридор.

И в ту же секунду квартиру заполнил детский плач.

Я вижу как глаза незнакомца сужаются и он с подозрением смотрит на меня и решительным шагом направляется в спальню.

Широкие плечи расправлены и напряжены, пальто натя-

нуто на них так, что чуть по швам не трещит. И когда он подходит к двери, то практически спиной закрывает проем полностью.

– Вообще-то мужчина – это неприлично заходить в спальню к девушке, когда вас туда не приглашают, – я подбегаю к нему и пытаюсь протиснуться между ним и дверью, – и верхнюю одежду снимите. Не на вокзал зашли, а в дом, где живет маленький ребенок, – теперь я понимаю, как себя чувствовала Моська перед слоном, – и вообще с чего это вы решили, что это ваш ребенок?

– Во-первых, ты для меня преступница, а не девушка, – цедит мужчина сквозь зубы, продолжая шурить глаза.

– Да, прекратите мне тыкать, мы с вами даже не знакомы? И с чего это я преступница? – возмущаюсь и упираю руки в бока.

– Потому что скрываешь у себя мою дочь, незаконно. Я думаю этого будет для суда достаточно, чтобы упечь тебя за решетку, – незнакомец, говорит это все так холодно и безэмоционально, как будто перед ним не живой человек стоит у которого есть чувство и эмоции, а бездушное бревно, которому все равно куда его положат.

– Зачем вы так говорите? Вы же совсем ничего не знаете? – мой голос дрожит и я чувствую, что от обидных слов у меня вот-вот начнется истерика.

Но мужчина лишь только хмыкает надменно, и грубо отодвигает меня в сторону, толкает дверь. Звук детского плача

усиливается.

– Господи! – выдыхает незнакомец глядя на кроватку в которой копошиться Лерочка, а я снова как ошалелая кидаюсь ему наперерез.

– Да снимите вы свое пальто! – кричу на него и дергаю за рукав. – Это не гигиенично находиться в комнате с маленьким ребенком в верхней одежде.

Мужчина зыркает на меня так свирепо, что я отступаю. И прикусываю язык, да ему плевать на то что я говорю, он как будто не слышит, прет как танк.

– Девочка моя, – я даже не верю в то, что голос этого мужчины может настолько наполниться любовью и нежностью за одну секунду.

Я начинаю дрожать от нахлынувших чувств. Прижимаюсь к косяку и обнимаю себя за плечи, продолжая неотрывно наблюдать за тем как незнакомец скользить крупными ладонями под одеялко и поднимает малышку с таким трепетом, как будто в его руках не ребенок, а хрупкая вселенная.

У меня сжимается внутри сердце так сильно, что становится больно в груди.

– Скорую вы вызывали? – бесценный момент воссоединения отца и дочери нарушает вошедший доктор и медсестра.

– Да, – прокашлявшись отвечаю я.

– Мы уезжаем, – слышу за спиной голос незнакомца и он опять прет на меня, как танк.

– Послушайте, я вас прошу. Вы не можете увезти Лерочку.

Ее надо показать врачу. У малышки высокая температура...
– но мужчина и слушать не хочет.

Он бросает на меня косой взгляд:

– С тобой разбираться буду позже, – грубо оборвал, – а в больницу мы заедем по дороге сами.

Доктор покосился на меня, потом на незнакомца и пожав плечами кивнул медсестре.

– Так и запишем. Родители не в адеквате.

Но дальше происходит, что–то странное непонятное.

Лерочка снова начинает кричать, да так громко, что у меня сердце заходиться от переживания за нее. Незнакомец замирает на полушаге у входной двери.

– Почему она плачет? – взволнованно спрашивает мужчина.

– Господи– Боже мой! Я же не просто так вызвала скорую, – укоризненно качаю головой и сокращаю между нами расстояние в считанные секунды, протягиваю к нему руки, – дайте ребенка. Пусть ее осмотрит доктор.

Незнакомец смотрит на меня пристально, изучающе.

– Не будьте глупцом. Здоровье Лерочки превыше вашего цинизма и надменности, – подхватываю малышку под спинку., мужчина колеблется и в этот момент крошка хрюкает носиком и закашливается, да так сильно, что вижу в глазах новоявленного папаши неподдельный ужас.

– Дайте сюда, – забираю ее из рук незнакомца и прижимая к себе ставлю столбиком.

– Дайте ребенка, – командует доктор и я подхожу к нему, – как давно ребенок болеет?

Дальше все происходит очень быстро, оперативно.

Я рассказываю подробно о том: когда заболела Лерочка, когда у нее поднялась температура, когда начался кашель и много всего того, что знаю и рассказать могу тоже только я.

Несколько раз бросаю украдкой взгляд на незнакомца, потому как его тяжелый взгляд почти осязаем. Я чувствую как он смотрит на меня. Его взгляд как рентгеновские лучи сканируют меня, не дают расслабиться. Заставляют все время держаться в напряжении.

– Не знаю что у вас тут происходит, – доктор обеспокоенно смотрит то на меня, то на незнакомца, – но ребенка нужно срочно госпитализировать. Я подозреваю пневмонию, а для такой крохи исход, – он сделала выразительную паузу, от которой у меня заломили ноги, – в большинстве случаев заканчивается летальным исходом.

– Да, что вы такое несете? – в голосе незнакомца послышались угрожающие нотки.

– Правду, – в той же тональности отвечает ему доктор, – и если вы сейчас откажетесь от госпитализации и ребенок умрет, то вы за это будете нести уголовную ответственность, – закончил он свою пылкую речь.

– Мы едем доктор, – я вскакиваю с места, и иду в спальню, но проходя мимо незнакомца притормаживаю, – уж не знаю какой из вас выйдет отец, если вы готова ради своего...

– Цинизма? – обрывает он меня, как будто насмехается.

– Не важно, но я надеюсь в вашей голове присутствует здравый смысл и вы понимаете, что сопротивляться обстоятельствам бесполезно.

– Свидетельство ребенка и свой паспорт взять не забудьте, – окликает меня доктор.

Я чувствую как мои колени не спертимо начали трястись и все тело охватила слабость. Я захожу в спальню и плюхаюсь на кровать, потому как ноги подгибаются.

Я понимаю. Это конец. Я так храбрилась перед незнакомцем и врачом, хотя на самом деле испытывала дикий страх от того, что отец Лерочки, просто даст мне пинка под пятую точку. Заберет девочку и все... больше я ее никогда не увижу. А еще же этот мерзавец и в полицию заявление напишет от него можно ожидать всего чего угодно.

Я непроизвольно всхлипнула и спрятала лицо в ладонях беззвучно заплакала.

– Эй, ты! – голос незнакомца грубый, хлещет как кнут.

Я вскидываю заплаканной лицо. Сейчас мне все равно, как я выгляжу. Мои силы на исходе. В этом бою я проиграла.

– Чего расселась? Вещи для дочки собрала? Скорая вообще-то не такси, надо понимать это. Или ты передумала ехать в больницу?

– Что? – я не верю своим ушам.

Этот человек мне сейчас предложил ехать с Лерочкой в больницу? Или у меня слуховая галлюцинация?

– Что слышала. Шмотки собирай свои и дочкины. И паспорт свой не забудь. А то не пустят, – его голос по прежнему груб, но в нем что-то изменилось. Что именно я не могу уловить.

– Но у меня же нет свидетельства о рождении Лерочки, – еле перебираю губами, громко шмыгаю носом, встаю с кровати и начинаю собирать сумку.

– Свидетельство это не твоя забота. Я его завтра подвезу. И мою дочь зовут Вероника. Титова Вероника Богдановна, если быть точнее. А ты с сегодняшнего дня будешь работать у меня няней, но не обольщайся. Я даю тебе испытательный срок, две недели, – ухмыляется он и разворачиваясь уходит.

У меня лицо застыло от шока. И видимо мое нелепое выражение лица развеселило Богдана.

– Господи! – шепчу одними губами. – Я только что назвала его Богданом? Этого не может быть? – утрамбовав необходимые вещи в сумку, перешла к столику, где все лежало для ухода и гигиены за малышкой. – Вероника, – прокатилось по языку звонкими шариками настоящее имя девочки, – красиво.

Неожиданно для себя почувствовала что улыбаюсь. Я была настолько счастлива, что останусь с Вероникой, что даже представить страшно, как я за такой короткий срок смогла настолько прикипеть к малышке.

И раз судьба сжалилась надо мной и дала мне шанс остать-

ся рядом с девочкой я сделаю все, чтобы быть с ней столько долго, сколько буду нужна ей.

– Вы готовы? – спрашивает доктор когда я выхожу из спальни.

– Да. Вещи собраны. Паспорт с собой, – бью себя по карману.

– Папаша, возьмите сумку, а мамочка...

– Няня... – в один голос с Богданом мы перебиваем доктора.

– Да-да, – отмахиваясь от нас, как от надоедливых мух, зашел к двери доктор, – няня пусть возьмет ребенка. Она поедет с нами, а вы за нами. Я правильно понял, что вы на машине? – доктор все это спрашивает у нас по дороге.

– Да правильно, – сухо отвечает Богдан, не спуская при этом с меня пронзительного взгляда.

Я начинаю под его взглядом робеть.

– Ключи не забудьте взять, – говорю парню, который замыкает нашу процессию и последним выходит из квартиры, захлопывая за собой дверь.

– Не забыл, – улыбается мне широко заодно показывая в пальцах ключи от квартиры.

Когда мы спускаемся на этаж Нины, соседка выглядывает из приоткрытой двери ждет меня.

– Забирают? – сочувственно качает она головой.

– Угу, – киваю ей в ответ.

Неожиданно Богдан налетает на меня и отгораживает от

соседки, а сам внимательно заглядывает ей за плечо.

– Что такое? Осторожно. Вы меня чуть не столкнули, – шиплю возмущенно я.

Но я так сказала из-за того, что мне стало неудобно перед Ниной. Ведь Богдан схватил нас с Вероникой в медвежьи объятия, как будто хотел от кого-то защитить.

– Извини, – буркнул он.

– Что-то случилось? – я тоже отчего занервничала.

– Наверное нет. Просто обознался, – с тревогой в голосе отозвался Богдан, а потом перевел на меня взгляд и поняв, что стоит и до сих пор обнимает меня, вдруг резко отстранился.

– Ну а ты что застыла? Давай быстрее беги. А то развела тут светскую беседу, очень вовремя?! – с иронией в голосе замечает мужчина подталкивая меня к выходу.

– Роман, прикрой, – кидает он парню через плечо и теперь за моей спиной оказываются два огромных мужчины.

– Смотри за моей девочкой, как за родной. Поняла? – шепнул мне в ухо Богдан, когда помогает забраться в салон скорой помощи.

– Она для меня и так родная, – отвечаю ему и врач захлопывает дверь, разделяя нас друг от друга куском металла.

Глава 9

Въезжая во двор старенькой многоэтажки, увидел возле нужного мне подъезда скорую помощь. В груди что-то зашевелилось неприятное, липкое... а уже спустя секунду я понял что это – страх.

– Ром, давай паркуйся уже. Какое-то у меня нехорошее предчувствие.

Роман припарковался возле подъезда. Выйдя из машины, покосился в кабину скорой, врачи не торопились на вызов. Я облегченно выдохнул. Значит ничего срочного.

Через ступеньку поднялся на нужный этаж, потому как в этой помойке в лифт даже заходить было страшно. Не то чтобы в нем ехать на пятый этаж.

Останавливаюсь возле двери, за которой предположительно находится моя дочка и только поднимаю руку чтоб позвонить, как дверь резко распахивается и я вижу на пороге...

Нет, я конечно по разному представлял себе девушку, которая купила у бомжей мою девочку. Да и девушка, которая носит бабкин платок у меня никак не ассоциировалась с этой... пигалицей, что стояла и пялилась на меня затравленно снизу вверх.

Глаза огромные карие вылупила на меня и слова сказать не может. Боится.

Значит все верно не ошибся я. Дочка здесь.

— Я пришел за своей дочерью, — голос от напряжения становится низким, грубым.

Девчонка стоит и с места пошевелиться не может.

Тогдадвигаю ее в сторону, прохожу в коридор.

— Здесь нет вашей дочери. О чем вы? — пигалица подает голос, да такой звонкий, что в ушах зазвенело.

Нервничает, — понял я.

— То есть, это не ты купила ребенка у бомжихи две недели назад? — зловеще цежу сквозь зубы нависаю над ней, давя своей массой.

— Я... я не покупала... — заикаясь сжимается под моим взглядом в комочек.

— Врешь, — сужаю глаза, и наступая на нее отталкиваю в сторону.

Она меня начинает раздражать.

И в этот самый момент слышу детский плач.

Оборачиваюсь на пигалицу и смотрю на нее жестко, с укором.

Направляюсь на звук, а у самого сердце в груди сжимается.

Предчувствие того, что мог все же обмануться присутствием в голове, не отпускает.

— Вообще-то мужчина — это неприлично заходить в спальню к девушке, когда вас туда не приглашают, — говорит пигалица вставая у меня на пути, — и верхнюю одежду снимите. Не на вокзал зашли, а в дом, где живет маленький ребенок, —

я не могу поверить, что у этой кнопки еще и наглости хватает вставать на моем пути, – и вообще с чего это вы решили, что это ваш ребенок? – эти слова было последней каплей.

– Во-первых, ты для меня преступница, а не девушка, – цежу сквозь зубы, сужая глаза.

– Да, прекратите мне тыкать, мы с вами даже не знакомы? И с чего это я преступница? – возмущается она, задетая по всей видимости моими словами.

– Потому что скрываешь у себя мою дочь, незаконно. Я думаю этого будет для суда достаточно, чтобы упечь тебя за решетку, – мне не нравится ее борзость и я специально ей говорю это, чтобы поостудить ее пыл.

– Зачем вы так говорите? Вы же совсем ничего не знаете? – голос пигалицы дрожит и я вижу как в ее глазах становится влажно, но это меня, увы, не трогает.

Я приехала сюда забрать свою дочь и только.

Препиранье с кнопкой в мой план не входили, потому просто, не прикладывая больших усилий отодвигаю ее в сторону и открываю дверь.

Слух тут же обволакивает такой долгожданный детский плач.

Я забываю обо всем и обо всех на свете. Меня будто магнитом притягивает к кроватке, в которой вижу мою маленькую дочку.

– Господи! – вырывается изо рта полувздых полустон и я на не сгибающихся ногах иду к кроватке.

Меня кто-то одергивает на полпути. Я поворачиваю голову и вижу перед собой... опять пигалицу.

– Да снимите вы свое пальто! – истерит она. – Это не гигиенично находиться в комнате с маленьким ребенком в верхней одежде.

Бросаю на нее уничтожающий взгляд. И пигалица тушется, отступает.

Подхожу к кроватке вплотную. Смотрю на моего ангелочка. Она такая маленькая, румянюнькая, будто сладкая булочка. В пальцах зудит нестерпимо. Так хочется ее взять на руки.

Скольжу ладонями под одеяльце и аккуратно, словно дочка соткана из воздушных молекул, прижимаю к себе. Волна блаженства захлестывает меня, когда чувствую запах малышки.

– Скорую вызывали? – неожиданно в мое пространство врывается посторонний мужской голос.

– Да, – а это голос пигалицы.

Я поворачиваюсь на пятках и широким шагом направляюсь на выход.

Здесь я больше оставаться не намерен ни минуты.

– Мы уезжаем, – кидаю столпившимся на выходе людям.

Но тут же снова, сбоку меня возникает пигалица, а если быть точнее липучка.

– Послушайте, я вас прошу. Вы не можете увезти Лерочку. Ее надо показать врачу. У малышки высокая температура...

Кошусь на нее и грубо обрываю:

– С тобой разбираться буду позже, – вижу как от моих слов ее лицо мгновенно бледнеет, – а в больницу мы заедем по дороге сами.

Окидываю присутствующих беглым взглядом.

И тут же слышу в ответ, но уже не от липучки:

– Так и запишем. Родители не в адеквате, – бросает врач своей сестричке, и косится на меня как будто на идиота.

Сжимаю зубы, задал бы я ему взбучку. Если бы так не торопился покинуть этот клоповник.

Но сделать шаг к выходу мне не дала дочка. Она неожиданно так сильно заплакала, что у меня сердце в груди сделало кульбит и встав на место задергалось в груди будто в припадке.

– Почему она плачет? – спрашиваю срывающимся голосом почему то не доктора, а липучку.

– Господи– Боже мой! Я же не просто так вызвала скорую, – укоризненно качает она головой и сокращает между нами расстояние в считанные секунды, протягивает ко мне руки, – дайте ребенка. Пусть ее осмотрит доктор.

Я смотрю пигалице в глаза пристально, пытаюсь хоть как-то понять кто она? И откуда в ней столько запала? Совсем не боится меня.

– Не будьте глупцом. Здоровье Лерочки превыше вашего цинизма и надменности, – подхватывает малышку под спинку, а я оттягиваю момент, постоянно хочу поправить ее и

сказать, что дочку зовут Вероника, но когда открываю рот, чтобы исправить ее, моя крошка хрюкает своим маленьким носиком и тут же закашливается так сильно, что невольно затаиваю дыхание от страха.

– Дайте сюда, – забирает у меня малышку из рук липучка и прижимая к себе ставит столбиком.

– Дайте ребенка, – подает голос доктор и девушка не колеблясь шагает к нему, а я остаюсь стоять на месте, но тут ко мне подходит Роман.

– Босс, что происходит? – перевожу взгляд на Романа.

– Я сам не пойму Ром, – пожимаю плечами.

– Как давно ребенок болеет? – перебивает меня доктор, но обращается он естественно не ко мне, а к пигалице.

Дальше все происходит очень быстро, оперативно.

Девчонка без умолку болтая, все рассказывает доктору о моей девочке.

Я не отрывая взгляда смотрю на девушку, подмечаю, как напряжена ее спина, узкие плечи. На вид ей можно дать не больше двадцати: светлые волосы завязаны на макушке в тугой узелок, но есть непослушные прядки которые выбившись из прически падают на шею, аккуратное и довольно таки симпатичное личико посажено на тонкую шею, но девушка ее почему-то вжимает в плечи, словно хочет спрятаться интересно от кого? Неужто от меня?

Охватываю ее силуэт одним взглядом, а вот поведение выдает в ней взрослую девушку.

Липучка (хм, сколько за столь короткое знакомство, я дал ей прозвищ – три?), несколько раз бросает на меня украдкой взгляды, но замечая что я смотрю на нее, тут же прячет их. Точно боится. Но ведь так и должно быть?!

Но тут доктор поднимается со стула, говорит:

– Не знаю что у вас тут происходит?! – вижу что взгляд доктора обеспокоен, – но ребенка нужно срочно госпитализировать. Я подозреваю пневмонию, а для такой крохи исход ... – он сделал выразительную паузу, – в большинстве случаев заканчивается летальным исходом.

– Да, что вы такое несете? – угрожающе рычу на доктора.

– Правду, – не взирая на мой тон, отвечает доктор, – и если вы сейчас откажетесь от госпитализации и ребенок умрет, то вы за это будете нести уголовную ответственность, – заканчивает он свою пылкую речь.

– Мы едем доктор, – вскакивает с места пигалица и идет прямо на меня, но когда доходит останавливается, – уж не знаю какой из вас выйдет отец, если вы готова ради своего...

– Цинизма? – насмехаюсь над ней, хотя ситуация явно не располагает к веселью.

– Не важно, – смотрит на меня серьезно, хмурит брови, – но я надеюсь в вашей голове присутствует здравый смысл и вы понимаете, что сопротивляться обстоятельствам бесполезно.

– Свидетельство ребенка и свой паспорт взять не забудь-

те, – говорит доктор и я вижу как в ее глазах мелькает растерянность.

Еще бы. Откуда ей взять документы? Свидетельство о рождении Вероники было только у жены.

Наблюдаю за тем, как липучка заходит в комнату.

Спина напряжена, плечи расправлены.

Я за ней смотрю и не могу понять, что меня в ней привлекает?

Ее внешность? Вряд ли, она совсем не мой типаж. Маленькая, щуплая, бледная. Только глаза более менее спасают ее образ.

Я люблю девушек поярче и повыше.

Девчонка тем временем подходит к кровати и плюхается на нее. Сидит так две секунды: лицо задумчивое, она витает где-то в своих мыслях совсем не замечая меня.

А потом вдруг громко всхлипывает и накрывает лицо ладонями.

Черт! Я от неожиданности даже вздрогнул. Чего это она ревет?

Возможно испугалась того, что я ее судом припугнул? Так я это для атмосферности.

На самом деле я еще когда вышел от директрисы понял, что если бы липучка, неизвестно что могло бы произойти с моей крошкой. Но только сейчас осознал, как хорошо девушка заботилась о моей дочке.

– Эй, ты! – не отрываясь от косяк, окликаю липучку, по-

лучается грубо.

Девушка отнимает ладони от лица и вид у нее такой несчастный, что невольно почувствовал к ней сострадание. И захотелось ей помочь. Решение пришло спонтанно, неожиданно.

– Чего расселась? Вещи для дочки собрала? Скорая вообще-то не такси, надо понимать это. Или ты передумала ехать в больницу? – слова выскочили изо рта сами собой.

– Что? – смотрит на меня липучка, хлопая мокрыми ресницами и делает вид что не расслышала того что я спросил.

– Что слышала. Шмотки собирай свои и дочкины. И паспорт свой не забудь. А то не пустят, – снова грублю, но изменить этого не могу.

Ощущаю от непонимания своих чувств, какую-то слабость перед липучкой.

– Но у меня же нет свидетельства о рождении Лерочки, – отвечает девушка, еле слышно, зато шмыгает носом чересчур громко.

Морщусь отворачиваясь. Терпеть не могу подобных звуков. А девушка тем временем встает с кровати и начинает быстро собирать сумку.

– Свидетельство это не твоя забота. Я его завтра подвезу. И мою дочь зовут Вероника. Титова Вероника Богдановна, если быть точнее, – наконец-то настал подходящий момент, – а ты с сегодняшнего дня будешь работать у меня няней, но не обольщайся. Я даю тебе испытательный срок, две

недели, – ухмыляюсь своему решению, и когда вижу шокированное выражение лица девушки разворачиваюсь ухожу, от греха подальше, а то вдруг еще благодарить кинется. Это все лишнее.

Подхожу к дивану, беру малышку на руки. Теперь я даже через одеяльце чувствую, насколько она горяча.

– Вы не волнуйтесь, мы сделали жаропонижающий укол. Температура должна через время понизиться, – голос доктора звучит более дружелюбно, – но для полной диагностики, мы все же заберем девочку в больницу. Там поставят диагноз точный.

– Вы готовы? – спрашивает доктор, смотря мне за плечо.

Я поворачиваю голову и вижу липучку. Стоит в дверях такая довольная, хоть и пытается скрыть свою радость, за напускной важностью.

– Да. Вещи собраны. Паспорт с собой, – быю себя по карману.

– Папаша, возьмите сумку, а мамочка...

– Няня... – в один голос с липучкой перебиваем доктора.

– Да-да, – отмахивается доктор и семена к выходу, кидает через плечо, – няня пусть возьмет ребенка. Она поедет с нами, а вы за нами. Я правильно понял, что вы на машине? – доктор все это спрашивает у нас по дороге.

– Да правильно, – отвечаю ему, и передаю дочку в руки липучке, смотрю ей в лицо.

И замечаю, что стоило ей мою Нику взять на руки, как глаза у нее заблестели, и их затопила любовь. У меня аж мурашки побежали вдоль позвоночника. Я был так поражен тому насколько девушка может светиться добром и любовью к чужому ребенку, что мне стало немного обидно за те слова, что Марина говорила в машине.

Девушка замечает мой взгляд и тут же тушует передо мной. Стесняется и чтобы как разрушить затянувшееся молчание обращается к Роману, который за моей спиной, закрывает дверь квартиры.

– Ключи не забудьте взять, – окликает она парня, намеренно не смотрит в мою сторону.

– Не забыл, – отвечает Роман и гремит железками.

Кошусь на него. А у него улыбка с лица не сходит, пялится на липучку, как будто смотреть больше некуда.

Мы спускаемся на этаж ниже и тут нам преграждает путь женщина средних лет.

– Забирают? – сочувственно качает она головой и стреляет в нашу сторону глазами.

– Угу, – кивает ей в ответ липучка.

Неожиданно замечаю в приоткрытой двери за спиной женщины знакомый силуэт.

Инстинктивно чувствую опасность. Силует не спешит раствориться, скрыться. Он наоборот делает шаг вперед. Выходит в свет. Аким? Наемник? Но что он тут делает?

Мы сцепляемся взглядами, все происходит в долю секунд.

Аким лезет в карман. И я вижу как его рот расплзается в плотоядной улыбке.

Чертов ублюдок! Что он творит? Не уж то это он охотиться на мою дочь? Но зачем?

Я резко хватаю липучку и оббивая ее с дочкой руками отгораживаюсь от соседки, а сам заглядывает ей за плечо. Давая знак Роману, что здесь угроза.

– Что такое? – восклицает девушка. – Осторожно. Вы меня чуть не столкнули.

– Извини, – обескураженный произошедшим бормочу ей, а сам не тороплюсь разжимать объятий.

Шагаю вместе с девушкой и дочерью за стену, пряча их от опасности.

– Что-то случилось? – встревоженно смотрит на меня липучка.

– Наверное нет. Просто обознался, – оглядываюсь на Романа, но тот отрицательно машет головой и только тогда отпускаю девушку.

– Ну а ты, что застыла? Давай быстрее беги. А то развела тут светскую беседу, очень вовремя?! – пытаюсь иронией в голосе замять произошедший конфуз и подталкиваю девушку к выходу.

Как только оказываемся на улице, становлюсь за спиной липучки настороженно оглядываясь по сторонам:

– Роман, прикрой, – кидаю парню и тот становится со мной плечом к плечу.

Я понимаю что Аким, здесь появился не случайно, но раз он пас не меня и я не я его мишень, тогда... это точно моя дочь. Но зачем она ему нужна, это мне предстоит еще выяснить.

Подходим к скорой вплотную и я помогаю девушке забраться в открытую дверь, наклоняюсь к ней близко в тот момент, когда она усаживается в кресло.

– Смотри за моей девочкой, как за родной. Поняла? – шепчу ей на ухо.

– Она для меня и так родная, – отвечает липучка с такой уверенностью, что у меня невольно в груди откликаются ее слова благодарностью.

В этот момент врач толкает дверь и она прячет от меня образ девушки с моей дочкой на руках.

Но я вдруг четко в этот момент понимаю, что эта девушка не даст мою крошку в обиду.

– Босс, так кто там был? – возвращает меня в реальные будни Роман.

– Я видел в квартире соседки, Акима. Это он, шел за моей малышкой, – я обвожу взглядом окна дома. – Вот только бы понять, кому понадобилась моя дочь?

Глава 10

В палате было тихо. Вероника спала. А я примостившись на краю кровати сидела и с тревогой наблюдала за тем, как она тяжело дышит.

Доктор со скорой помощи оказался прав. Малышке диагностировали пневмонию.

Вспомнила, как испугалась я и как испугался Богдан, когда пульмонолог дико орала на все отделение, что мы ничемные родители. Запустили ребенка.

Но когда у Богдана первый шок прошел от дерзости докторши прошел. Он быстро женщину поставил на место да так, что она теперь и не то что слово мне сказать лишнего боялась, она теперь и смотрела в мою сторону с опаской.

Богдан хотел нас увезти в другой центр: дорогой, с современными аппаратами диагностирования, но докторша видимо испугалась того, что ей потом прилетит люлей за такой промах от главврача, какими-то правдами и неправдами упростила Титова остаться в больнице. Даже нашла для нас отдельную палату, о которой Богдан даже не упоминал.

Я тогда смотрела на него, и мне жуть как хотелось понять, что он за человек? И почему он имеет такое влияние на людей?

Но узнать мне было не суждено. Докторша с Богданом удалился в ординаторскую, оставив меня ожидать на кушет-

ке в коридоре. А Вероничку-клубничку забрали у меня и вернули, только глубокой ночью.

Я так испугалась тогда, что потом по пятам за медсестрами ходила, отказывалась оставлять малышку даже на секунду без моего внимания.

С Богданом мне так и не удалось поговорить в тот день.

Ко мне подошла медсестра и проводила в палату.

Я тогда подумал, что Титов зайдет ко мне после разговора с докторшей. Познакомится хотя бы. Ведь я для него совсем незнакомый человек.

Но нет. Титов не объявился ни в тот день ни даже на следующий.

Я бы возможно могла сама ему позвонить. Рассказать например о том, как Вероничке становится лучше. Посылать ему фотографии дочки.

Ведь ему должно быть интересно, как растет его дочь?!...

Но телефона Титова у меня не было, а спрашивать у докторши я не стала. Со стороны это выглядело бы слишком странно.

Да и по тому, как Богдан морозился, я поняла, что мужчина общаться со мной не желает.

И этот момент меня смущал, заставлял нервничать.

Да я помнила его слова о том, что он берет меня работать няней, и что у меня испытательный срок, но любой работодатель обязан общаться с тем человеком, которому доверяет жизнь своего ребенка или нет? Может я в чем-то ошибаюсь?

Еще немного посидев рядом с малышкой и поковырявшись в своих рассуждениях, я оставила это занятие, потому как осознавала что чем больше думаю обо всем этом, тем сильнее захожу в тупик.

Подошла к столику на котором стоял остывший утренний чай, сделала глоток. Покосилась на бутерброд с сыром и маслом. Аппетита не было. Кусок в горло не лез. Кинула взгляд на спящую малышку: на сегодня осталась еще одна процедура, но на нее за Вероничкой приходят около двух, забираю малышку и приносят только спустя час. При этом мне ничего не говоря. Странная процедура?!

Я сильно много не лезла к медсестрам с вопросами.

Ведь скорее всего лечение было согласовано с отцом Вероники, с Богданом Титовым.

А кто я? Разве меня кто-нибудь будет спрашивать?

Подхватила телефон, оглянулась еще раз на малышку. И только когда удостоверилась, что кроха спит, вышла.

Набрала номер Гали. Сегодня вторник, а я так и не позволила начальнице.

Теперь она меня точно уволит.

Саша взяла трубку после третьего гудка.

– Ну Настенка, ну ты даешь? – вместо приветствия вдруг зашипела в трубку подруга.

– Хм, что опять случилось? – понизив голос до шепота интересуюсь я, а сама прислушиваюсь в приоткрытую дверь к звукам в палате.

– Да все только о тебе и судачат, Настен. Говорят ты с хахалем каким-то уехала. И ребенка завела? Что правда? – в голосе Гали было столько любопытства перемешанного с ехидством, что рассказывать что-либо ей сразу же расхотелось.

– И кто же эта сорока? Нина? – задаю встречный вопрос.

– Ну, а кто же еще. Она рассказала Машке, ну той, что гостиничные номера выезжает по выходным убирать. Я то с ней не пересекаюсь. Но она хорошо дружит с Любкой Власовой? – я молчу. – Ну, та которая в няньки только ко взрослым детям идет... вспомнила?

– Угу, – киваю ей и понимаю, что осиный улей разворошила.

– Мне выдала, знаешь что?

– Ну говори уже Галь, – не выдержала ее намеков.

– Что ты вообще беременна от какого-то бандита и свою беременность от него скрывала, утягивая живот. А он тебя все равно нашел и увез...

– Господи! Саша, что за бред, – я выслушав эту сказку не удержалась рассмеялась в рукав толстовки.

– И что же вас так развеселило, Настя? Расскажите? – мужской голос раздался у меня над ухом так близко, что от неожиданности вздрогнула и чуть не выронила телефон.

Резко развернулась и наткнулась на серые, искрящиеся весельем глаза Романа.

– Черт! Вы зачем так пугаете? Так же и зайкой стать не

долго, – выдохнула я.

– Извините Настя, я не хотел, – отвечает парень.

А я же вижу по его глазам и ухмылке, что врет и не краснеет зараза.

– Алло Настен! Настя! – кричит в трубку Саша.

– Галь, я тебе перезвоню, – отвечаю ей и сбрасываю звонок.

– Так над чем вы смеялись? – привалившись к стене и сложив руки на груди снова задает вопрос Роман.

– А это молодой человек не ваше дело, – отвечаю в ответ, а у самой на языке крутиться только один вопрос: он приехал с Богданом?

– Ну я настойчивый если что, – кривит рот в косой ухмылке, играет брови.

Заигрывает что ли со мной? Тьфу ты?! Нашелся мне тут ухажер, – смотрю на него с усмешкой:

– В другом месте настаивай... те Роман, – я прячу в карман телефон и делаю шаг в сторону палаты.

Парень выставляет ногу вперед преграждая мне путь, вздергиваю бровь смотрю на него вопросительно:

– Насть, а может на ты? – его голос становится ниже, гуще. Да, что черт возьми он творит?

Я только хотела ему высказать за подобное поведение, когда:

– Ром, ты что ноги раскидал? По взгляду Анастасии, мне вдруг за твою конечность боязно стало, – голос Богдана Ти-

това, вызывает во мне водопад мурашек, и при этом оставляя странный осадок где-то внизу живота.

Вот и дождалась встречи, – подумала про себя и отступила от Романа на шаг.

Мне хотелось в этот момент быть от парня, как можно дальше.

– Да, это Босс. Я так... ну просто решил, провести де-вушку... – я удивленно смотрю на Романа.

Мне вдруг стало так смешно. Он так засмутился, от того, что Богдан увидел его заигрывания со мной.

– Ладно Ром, расслабься, – хлопнул его по плечу Титов. – Иди принеси Анастасии продукты. А то забудем и увезем с собой.

Когда Роман удалился, Богдан все свое внимание обратил на меня.

Его пристальный взгляд сразу смутил меня. Я неожиданно поняла для себя, что хоть и представляла нашу с ними встречу много раз. И даже речь репетировала, но на деле оказалась совершенно к ней не готова.

Я пробовала открыть рот чтобы хоть что-то сказать. Но мой язык будто к небу прирос. И даже элементарное приветствие для меня оказалось сделать невозможно.

– Здравствуй, Настя, – обращается ко мне Титов.

Я перекатываясь с пятки на носок и обратно, стою оттягивая рукава на толстовке прячу от мужчины взгляд.

Что я делаю? – ругаю себя. – А ну-ка открой рот и поздо-

ровайся. Быстро! – диктует мне внутренний голос.

– Ага, здрасти, – осипшим от волнения голосом отвечаю ему.

Боже! Мои ладони вспотели, подмышки зудят.

И единственное что мне сейчас хочется сделать, так это сбежать из-под внимательного взгляда этих синих глаз.

– Настя с вами все в порядке? – Богдан делает шаг ко мне, а я продолжаю стоять раскачиваясь.

Моя реакция на Богдана Титова удивляет меня саму.

– Угу, – мычу в ответ и когда его рука смыкается на моем локте я замираю.

– Настя, я понимаю. Вы напуганы. Да я в этом и сам виноват. Накричал на вас, когда нашел, – голос Титова вкрадчивый, но от того не менее для меня волнительный, – я хотел бы извиниться перед вами.

Я поднимаю на него глаза.

Мне кажется, что я ослышалась. Он и извиниться? Но за что?

– Богдан, – Боже, я чуть кончик языка себе не откусила называя его по имени, – вам не за что извиняться. Я все понимаю, правда.

Но между тем. В груди становится нестерпимо много эмоций, которые распирают меня, пытаюсь вырваться наружу. Я глотаю маленькими порциями воздух, чтобы хоть как то заглушить их.

– Ну, тут конечно вы правы, – неожиданно соглашается

со мной Титов, – в тот момент я очень злился на вас за то, что вы спрятали Веронику, – голос Богдана становится теперь другим, более строгим, грубым и все мои эмоции сдуваются как проколотый воздушный шарик, наконец-то давая возможность нормально вздохнуть.

Вот мне так и надо, а то распушила перешки, думала, что все прошлое забудется и только останется все хорошее.

Неприятно засосало под ложечкой, когда Богдан вдруг резко разжал руку и кивнул мне на дверь палаты.

– Давайте зайдем. Хочу с вами кое-что обсудить. И лишние свидетели нам ни к чему.

Я почему-то сразу подумала, что он нашел мне замену.

Тон мужчины вдруг изменился, стал серьезный, и из него исчезла все любезность и теплота которыми до этого был наполнен его голос.

– Да. Конечно, – понуро опустив голову я прошла в палату первой.

Богдан зашел за мной следом, закрыв плотно за собой дверь.

– Присаживайтесь Настя. Разговор будет не из приятных, – его последние слова поставили жирную точку в подтверждении моего предположениям о замене.

Я больно закусила губу. Главное сдержать и не расплакаться.

Сажусь за стол.

Смотрю ровно перед собой невидящим взглядом.

Я настолько подавлена, что мне все кажется каким то ненастоящим, картонным.

Я замечаю, что этот мужчина одним только словом может все превратить в пепел, сжечь. На самом деле я не ожидала, что так скоро окажусь ему не нужной?

Но ведь он ничего не понимает? Лучше меня ему няни не найти?

– Настя, – окликает меня Титов и я вздрагивая смотрю на него, но взгляд расфокусирован, не сосредоточен.

И прежде чем мне удастся посмотреть в его глаза проходит целых две секунды.

– Да? – еле ворочая языком, отвечаю ему.

– Вы мне что-то хотите сказать? У вас такое выражение лица, как будто вы ведете беседу сама с собой, молча. Про себя, – мужчина подходит ко мне и только сейчас замечаю в его руках папку. Он кладет ее передо мной.

– Что это? – игнорирую первую часть его вопроса, и перехожу к той, которая меня интересует больше.

– А это Настя, контракт, – поверх папки Титов кладет ручку, – советую вам с ним внимательно ознакомиться, прежде чем подписывать.

– Господи! Да что ж вы за человек такой? Богдан! – шиплю на него, при этом на глаза наворачиваются слезы... радости.

– Настя, я ничего не понимаю? Вы плачете? – удивленно смотрит на меня.

– Нет блин, смеюсь. – бубню под нос, а вслух отвечаю. -

Зачем вы меня так пугаете? Я думала вы меня уволить хотите? – я понижаю голос до шепота, так как Вероника заворочалась в кровати.

– Зачем уволить? Не понял? – смотрит на меня с толикой иронии вперемешку с насмешкой мужчина.

– Я не знаю?! Возможно вам не понравилась характеристика с моей последней работы? – пожимаю плечами и открываю папку, смотрю на первый лист договора. – Ой! – я вдруг вспоминаю о том, что у Гали так и не спросила, уволила меня Галина Марковна или нет.

– Что вы еще вспомнили? – Титов с интересом наблюдает за мной, а я тушуюсь под его взглядом, не могу сосредоточиться.

– Меня наверное уволили с моей работы за самовольные прогулы, – опускаю глаза и перелистываю следующий листок договора, при том что первый еще не прочла.

Мой мозг сейчас не способен воспринимать информацию. И как бы я не старалась вчитаться в буквы и сложить из них слова. Смысл этих предложений от меня все равно ускользал.

– Вы так быстро читаете Настя? А по вам и не скажешь, – с усмешкой говорит Богдан, подходит ко мне и встает за спиной.

Да, что ж это такое? Почему мне с этим человеком места малов в такой огромной палате? Почему, как только он попадает в мое пространство, в моей голове начинает все пу-

таться и ум отказывается работать ясно.

– Богдан, – я вскакиваю со стула и в несколько широких шагов, увеличиваю между нами расстояние.

– Да, Анастасия? Слушаю вас? – мужчина смотрит на меня с любопытством и с нескрываемой насмешкой во взгляде.

Он как будто прекрасно знает какое производит не меня воздействие, и играет со мной как кошка с мышкой, а в нашем варианте тигр с зайцем.

– Вы меня извините господин Титов, – не называю его по имени намеренно, провожу тем самым между нами черту, для того, чтобы мужчина понимал, я настроена работать серьезно. И не пойду у него на поводу, – но позвольте соблюдать со мной дистанцию. Я хочу устроиться к вам на работу няней, а не... – делаю выразительную паузу, – ... ну вы поняли кем.

– Нет, – вижу во взгляде мужчины искреннее изумление. Черт! А может это я сама себе надумала? И выдаю желаемое за действительность.

– Мне показалось вы ко мне сейчас приставали? – честно призналась мужчине.

– Я? Приставал? – смотрит на меня как на психованную. – Настя вы меня конечно тоже извините, но во-первых у меня несколько недель назад погибла жена в автокатастрофе. Во-вторых я только несколько дней назад нашел свою дочь и чуть не потерял снова из-за болезни. И в-третьих, надеюсь не обижу вас, но вы не в моем вкусе, – его взгляд оценивающе

прошелся по мне, а меня чуть от волнения не стошнило.

Вот же дуручка! Что теперь он обо мне подумает?

Мое лицо запылало стыдом. Я накрыла ладонями щеки.

– Извините, Богдан, – проговорила и сорвавшись с места кинулась в коридор, налетев конечно же в дверях на Рому.

– Настя, ты куда? – окликнул меня парень, но я даже и не думала отвечать и останавливаться.

Мне необходимо было пережить позор одной. Перегореть им.

Ведь другого выхода нет. Теперь я повязана с Богданом Титовым его дочкой.

Я возвращаюсь в палату спустя полчаса истерических терзаний самой себя за чересчур бурную фантазию.

В данном случае я повела себя совсем никак профессионал, а как истеричная бабенка, которой почудилось невесть что.

Подойдя к двери, я набираю полную грудь воздуха и задержав его в себе, взялась за ручку, нажала ее до щелчка, толкнула от себя, зашла внутрь приготовившись признать свое поражение перед Титовым, но...

Шумно выдыхаю спертый в груди воздух. Оглядываясь по сторонам.

Палата оказалось пустой.

Меня заштормило и я прислонилась спиной к двери.

Он бросил меня? – тревожный звоночек раздавшийся в

подсознании, нарастал с невероятной скоростью и уже через миг превратился в полноценный сигнал тревоги, который оглушил меня своим звоном.

Я заметалась по палате как будто за мной гонялся рой ос. Заглянула в шкаф, в тумбочку. Все вещи оказались на месте.

Но ведь и Титов не бедствует. Зачем ему забирать с собой те вещи которые были куплены незнакомкой в обычном детском магазине. У него дома наверняка, все вещи для Вероники брендовые.

И когда осмотревшись я поняла, что мужчина не взял с собой ничего, я решила сходить на сестринский пост. Уж там-то мне точно все разъяснят и разложат по полочкам. Вряд ли меня здесь будут держать без ребенка.

Я уверенно двинулась к двери с твердым намерением узнать все немедленно.

Сейчас неведение для меня, сродни смерти.

Обхватив ручку, дергаю дверь на себя.

И тут же застываю на пороге. Нос к носу сталкиваясь с Титовым, который держит на руках Нику.

С губ срывается вздох облегчения.

– Я думала вы уехали?! – мои мысли формируются в слова и когда до меня доходит что я сказала их вслух, мне вновь становится жутко стыдно за свои эмоции. – БожеМой! Богдан простите. Я сегодня сама не своя. Не понимаю откуда взялось это волнение. Говорю все не впад...

– Может вы нас все таки в палату пропустите? – уголок рта у Титова дергается вверх, обнажая зубы.

– Да, простите, – отхожу в сторону, пропуская Титова с дочкой в палату.

Мужчина проходит мимо меня, мазнул по мне странным взглядом и подойдя к кроватке уложил в нее Веронику. Девочка снова спала.

Но как докторша мне объяснила, так даже лучше, во сне детям легче переносить болезнь.

Я продолжаю стоять возле двери, когда Титов поворачивается и кивком указывает мне на стул, который стоит возле стола:

– Вы так и не ознакомились с контрактом Настя, – его голос стал более отстраненным, холодным.

– Я ознакомлюсь с ним, но только чуть позже. У меня сейчас слишком тревожно внутри. Нервы совсем расшалились. И в этом кстати виноваты, вы, – ну прием: лучшая защита, это нападение, никто не отменял, мне было легче во всем обвинить Титова.

И пусть ему будет стыдно за это.

– Не может быть! Я то тут причем? – деланно возмутился мужчина.

– Вы меня запугиваете. А я кстати, еще после стариков у которых забрала вашу дочку никак не отойду. До сих пор вздрагиваю, как о них вспоминаю, – я не преувеличивала. Ну может быть самую малость. Но мне нужно было хоть как-

то вывести этого мужчину на эмоции.

– Настя. Мне хочется урегулировать с вами некоторые моменты. Возможно для вас мои следующие вопросы покажутся несколько грубоватыми, но... – неожиданно ухмылка с лица мужчины сходит и оно становится очень серьезным и даже суровым.

Я вижу по его взгляду, что вопросы которые он хочет задать ему самому не нравятся, но все же они видимо для него слишком важны, раз он делает над собой усилие, чтобы их задать.

– Ну что ж, я постараюсь быть с вами предельно честной. Ведь вы меня принимаете в свою семью. И не думайте, я не обижусь. Вы имеете право задать мне любой вопрос...

– Настя, я хочу знать почему вы стали работать няней? Хочу понять, что сподвигло такую молодую девушку, как вы воспитывать чужих детей, вместо того, чтобы воспитывать своих?

Чего уж греха таить: я ждала этот вопрос.

Правда до этого мне задавала его только Галина Марковна. Всем остальным по большому счету было достаточно того, что я приходила к ним на работу от агентства.

– А что тут удивительного? Почему по вашему я не могу быть няней? У меня есть высшее педагогическое образование. Если вы сомневаетесь, я могу предоставить диплом. А так же у меня есть в арсенале положительные характеристики. Правда они сейчас находятся на моей нынешней работе.

Но по запросу, Галина Марковна вам может выслать сканы...

– Хорошо. Я все понял. Но я хочу услышать ответ на другую часть моего вопроса. Зачем вам нужны чужие дети, Настя? Ведь вы так молоды. Мне просто этот вопрос не дает покоя с тех пор, как директриса из детского дома сказала что вы хотели усыновить ребенка. Зачем?

Черт! Так вот откуда он узнал мой адрес! Вот как он меня нашел!?

Ну и зараза – эта Миловита Радионовна! – с досадой сжала губы.

– Или вы не совсем честны и у вас есть ребенок? – Титов давил, а я все больше замыкалась в себе.

Он оказался прав. Этот разговор мне стал действительно неприятен. И эта тема, совсем не так, которую я хотела бы обсуждать с чужим для меня человеком.

– Настя у вас есть ребенок? – еще раз, но уже с большими нажимом спрашивает Титов.

Я перевожу взгляд на него, смотрю прямо в глаза.

– Был. У меня был ребенок, – надтреснутым голосом отвечаю ему.

– Почему был? – не унимается Титов.

– Потому что теперь он мертв. Надеюсь я ваше любопытство удовлетворила полностью Богдан. И да, если вам очень интересно при каких обстоятельствах это произошло? То все очень банально и просто: врачебная ошибка. Вот так все просто.

Последние слова дались мне с трудом. Хотя я давно уже переболела смертью моей малышки. Но даже спустя годы, сердце все равно болит. Забывать не хочет.

– Извините Настя. Мне наверное сейчас лучше уйти, – Титов замешкался лишь на секунду.

Я косо глянула на мужчину. На его лице была растерянность, он видимо не мог подобрать правильные слова утешения.

– Да, вы можете идти. Не переживайте с контрактом я ознакомлюсь и все подпишу. И не волнуйтесь. Это было слишком давно, – говорю холодно отрешенно.

Больше Титов не произнося ни слова, вышел за дверь. Тиха за собой ее захлопнув.

Как только в палате стало пусто, на меня вдруг навалилась такая слабость, что захотелось просто растечься по стулу жидкой лужей.

Прошное, которое совсем не хотелось вспоминать, навалилось на меня неподъемной ношей, которую скинуть с плеч никак не удавалось. Оно давило проникало в голову до тех пор пока я не сломалась не пустила его в себя.

Вновь переживая тот далекий момент как будто это произошло со мной вчера:

Мне восемнадцать. Я только закончила школу.

Мы с Пашкой любили друг друга наверное с самого нашего рождения. Мы с детства с ним были не разлей вода. Так получилось, что наши мамы были подругами и родили нас

в один день. Только вот меня мама родила ночью, а тетя Машиа Паику утром. Вот и вся разница в возрасте. О том, что мы поженимся после того как нам исполнится по восемнадцать знали все. И никто не сомневался, что наш брак переживет самую жизнь. Мы с Паишкой верили в то, что наша любовь – это не просто близость сердец, а соединение наших душ. Навечно.

Наивные дети.

Я забеременела неожиданно не только для всех, но и для себя. И уже к концу первого курса института, поехала с огромным животом рожать наше нежданное чудо – нашу дочку.

Паика был со мной до последнего. Держал меня за руку. А потом: меня увезли в родовую палату. Я была одна. Городок у нас небольшой. Так что роженец в этот день было немного. Я мучилась недолго.

Схватки оказались слишком болезненные.

Мальшика была для меня крупновата, но я верила в себя и в то что смогу справиться сама, до того момента, когда ребенок застрял.

Я помню эту дикую боль до сих пор. Помню, как вокруг меня бежали суетясь врачи.

А потом было принято решение делать срочную операцию.

Мне сделали общий наркоз. Через несколько глубоких вдохов, я уже не чувствовала ни боли, и не видела суету вокруг

себя. Я отключилась.

Очнулась я ночью в палате. И опять одна.

Помню, как первым делом, когда открыла глаза, так это положила руки на живот, пощупала. Пусто. Значит родила.

Помню облегчение которое испытала в тот миг, а следом и тревогу. Находиться одной в большой палате стало страшно. И я попыталась встать. У меня получилось, но далеко не с первого раза.

Когда вышла из палаты, меня тут же перехватила медсестра.

А я ей в лоб:

— Где моя девочка? — и я заметила как она окинула меня таким жалостливым взглядом, что мне стало не по себе.

Медсестра проводила меня обратно до кровати и велела ждать врача, он мол все расскажет.

Пока ждала врача хотела позвонить Пашке, но посмотрев на часы, не стала его будить. Время было уже довольно поздно. А ему еще завтра на практику идти. Ее прогуливать нельзя. Маме тоже звонить не стала, чего ее зря волновать и пугать среди ночи. Поэтому отложив телефон, аккуратно прилегла на бочок в ожидании врача.

Врач пришел ко мне спустя тридцать минут, я даже вздремнуть успела.

Это был высокий молодой мужчина.

И спустя несколько минут я пойму, что это не просто муж-

чина, а заведующий родильным отделением, который огорчил меня следующей новостью.

— Где мой ребенок? Почему медсестра отказывается вести меня к нему? Насколько мне известно, в вашем роддоме практикуется совместное пребывание матери и ребенка. Я пришла в себя, — мой голос становится от напряжения громче, — и хочу увидеть мою дочь. Вы от меня ее не имеете права скрывать! — мой голос звенит от напряжения.

— Анастасия, — откашлявшись проговорил врач, при этом он смотрел не на меня, а куда за мое плечо.

— Что с моей девочкой? Я по вашему голосу чувствую, что с ней что-то не так, — я сжала в кулаки простынь на которой сидела, — не молчите доктор.

— К сожалению, Настя, — он опять замолчал, но в его глазах я увидела все то, что он боялся мне сказать.

Я знаю, что со временем многие врачи становятся равнодушны к горю своих пациентов, но передо мной сидел яркий представитель того минимального процента врачей, которые так и не научились не замечать чужую боль.

— Скажите, — шепчу я бесцветным, вмиг осевшим, голосом.

Врач молчал.

Тогда я вцепилась ему в плечо и сжала его с такой силой, что на его лице появляется гримаса боли.

— Где моя дочь. Говори! — кричу в голос, а врач вдруг схватил мои плечи и вонзил в лицо взгляд полный сострадания.

– Нам не удалось спасти ребенка, Настя, – он держал меня так крепко, что когда я, раскрыв в безмолвном крике рот, начала биться в его руках в истерике не отпускал меня до тех пор, пока не прибежала медсестра и не уколола мне успокоительного.

В больнице я не осталась. Ушла оттуда под расписку. Тогда то и настал переломный момент в моей жизни, в тот период я полностью замкнулась в себе.

Я ушла из института, потому как не могла ловить на себе соболезнующие взгляды однокурсников. Я месяцами могла не выходить из дома, зависая в себе.

С Пашкой мы развелись полгода спустя. Не смогла принять то, что он смог перешагнуть смерть нашей дочери и идти вперед. Он продолжил жить, а я так и осталась в том дне, когда мы на кладбище хоронили мою Аннушку. Никогда не забуду игрушечный гробик, который опустили в черную землю и закидали его землей.

Тупым острием иглы в сердце кольнула боль из прошлого. Я поморщилась...

И очнулась от того, что меня кто-то трясет за плечо.

– Что? – произношу хриплым, как будто спросонья голосом.

Но когда во взгляде наступает ясность и я вижу Титова, который склонился надо мной, тут же вся подбираюсь и ...

– Ох, – хватаюсь за ногу, которую как будто атаковали тысячи мелких муравьев и все одновременно жалят.

– Что ногу свело? – вскидывает бровь Титов и присаживаясь передо мной на корточки, начинает массировать мне икру. Мягко, но настойчиво.

Я от неожиданности и первого шока, забываю не то что как говорить, но и даже как дышать. От его прикосновений моя кожа начинает полыхать. Боже мой! Зачем он это делает? Я же сейчас сгорю от стыда.

– Сейчас, кровь разгоним и все пройдет, – приговаривает Титов начиная более активно мять мою икру.

У меня во рту образовалась пустыня, а вот внизу живота...

Боже! Да мне даже самой себе признаться было стыдно в том, что у меня сейчас там творилось.

– Богдан прекратите, – не выдержав, я хватаю его за руки.

Мужчина удивленный моим поведением в недоумении смотрит на меня.

– Что опять случилось? – буркнул он, убирая руки.

– Ничего, – сглатывая сухость во рту отвечаю ему и встаю на ноги, чуть прихрамывая отступаю от мужчины на несколько шагов, – вы меня напугали.

– Опять? – хмыкает он.

– Я просто не ожидала вас увидеть. Я думала вы уже уехали. – признаюсь ему.

– Я забыл кое что, – Титов подхватывает папку, в которой договор и сует ее себе под мышку.

– Что это значит? – смотрю на него, боясь моргнуть: что

он опять задумал?

– Для вас абсолютно ничего. Роман вам завтра привезет новую версию. И пожалуйста ознакомьтесь прежде чем подписывать, – он ухмыляется, а у меня появляется странное ощущения, где-то в районе лопаток, зудящее непонятное, но очень приятное.

И я вдруг осознаю, что мне начинают нравиться ухмылки Богдана Титова. Да и он сам...

Ой! Нет! Что я такое говорю.

Я тут же опускаю взгляд...

Оказывается я все это время пялилась на него и Богдан это явно заметил, потому что его улыбка становится шире и взгляд которым он окидывает меня неоднозначно намекает на то, что он все понял.

Я полностью смутившись поворачиваюсь к нему спиной и ретируюсь в ту сторону палаты, где стоит кровать. Молча.

– До свидания, Настя, – первым нарушает молчание Богдан.

– До свидания, – отвечаю ему, бросая через плечо быстрый взгляд.

Я не могу на него смотреть прямо, мне снова становится мало с ним одной на двоих палаты.

Хочу чтобы он ушел. Мне необходимо побыть одной. Разобраться со своими противоречивыми чувствами, которые он во мне вызывает. И мыслями, которые так или иначе, но постоянно крутятся вокруг Титова.

Глава 11

Какого черта вернулся назад?! – ругаю себя. – Сдался бы мне этот договор?!

Проходя мимо урны со злостью швыряю договор в нее и папка ложится точно на дно ведра.

Как то неудобно с няней получилось.

Да с ней у меня вообще все получается неловко, чего уж скрывать.

Я ведь когда приехал сегодня в больницу чтобы навестить дочку, совсем был не готов ко встрече с девушкой.

Думал Роман передаст договор, девушка его подпишет и все дело с концом. И встретимся мы с ней непосредственно уже у меня дома.

Тогда я уже буду готов к тому, чтобы нормально реагировать на эту Настю, которая до сих пор остается для меня темной лошадкой.

А теперь, после откровенного разговора так сказать по душам, помимо ее самой она смогла меня заинтриговать еще и своим прошлым.

Эта девушка и так из моей головы последние несколько дней не выходила.

Все мысли только о ней и о Веронике, а теперь так и вовсе не успокоюсь, пока не узнаю что с ней произошло.

Сажусь в машину на водительское кресло и с силой захо-

пываю дверь.

– Босс, что-то случилось? – косится на меня Роман.

– Случилось Ром. Хотя если бы не твоя забывчивость, я бы не нажил себе новых проблем, – накидываюсь на Романа, который по сути и оказался сегодня слабым звеном в хорошо отстроенной мной цепочке.

Именно его забывчивость и привела к тому, что мне пришлось спуститься в машину за документами. Ведь пропуск был выдан на мое имя. А этот гад, пока меня не было рядом уже успел подкатить к новой няне.

И я в какой-то момент даже порадовался тому, что Настя не успела подписать договор. В новом обязательно будет пункт о запрете интрижек на территории моего дома.

Про себя усмехнулся. А так как Насте придется жить рядом с Вероникой двадцать четыре на семь, то и интрижек никаких у нее не будет...

Стоп! Черт остановись! Куда меня несет?

Неожиданно уловил в себе всколыхнувшуюся ревность.

Мне вдруг стало так смешно. Что не сдержался, рассмеялся вслух.

Черт! Я приревновал новую няньку к Роме?

Чуть отсмеявшись, посмотрел на обескураженное лицо Романа и снова разразился смехом.

Это ж сума можно сойти. Я в принципе мало кого ревновал когда либо. И даже свою жену не ревновал, а тут...

– Эм, Босс, – Роман отодвинулся от меня подальше, – с

вами точно все хорошо? Или у вас истерика?

– Да нет Ром, у меня все хорошо. Просто что-то накатило. И запомни мой друг, ехидничать в мою сторону не нужно. Усек? – в моем голосе тут же сменился тон.

– Да я и не думал, Босс, – искренне развел руками Роман, – просто по себе знаю, что бывает такое, как накатит смех истерический, не остановить. У вас просто сейчас так же было, – поясняет Роман свое высказывание в более развернутом формате.

– Ром, ты думаешь что я после аварии дебилom стал, что ли? – начинаю злиться и это хорошо, хоть о няньке в этот момент не думаю.

– Да, нет что вы Богдан Дмитриевич!? – я вижу как у Романа взгляд становится виноватым, а мне этого не нужно, я не привык задавливать своих людей ни жестокостью ни чувством вины.

Люблю когда между боссом и подчиненным есть элементарное доверие. Для меня это самое главное качество взаимоотношений.

– Ладно Ром, проехали, – холодно отвечаю ему. – Нужно будет к нотариусу сегодня заскочить, договор о найме новый составить. Старый не годится. Хочу прописать там еще несколько новых пунктов для няни, – бросаю на Романа косо взгляд, но парень его не замечает, он понуро опустив голову, что-то рассматривает в телефоне.

– Угу, – бурчит под нос.

А я кидаю вскользь взгляд на его экран и черт побери, вижу там фото Насти.

– Что это? – недовольно спрашиваю Романа.

Тот отрывая взгляд от телефона, смотрит на меня как-то странно, а потом неожиданно быстро прячет его в карман.

– Да так, в соцсетях няньку нашел случайно. Интересно стало посмотреть ее фотки, – отвечает парень, а я вижу, что на его лице проступают красные пятна. Стеснения?!

Охрень! Что это значит?

– И что там за фотки? Покажи? Может есть что-то аморальное? – с иронией в голосе спрашиваю его.

– Да нет Босс, у Насти все прилично. Много фото с детдомовскими ребятами, – начал рассказывать Рома с таким блеском в глазах, что у меня от досады под ложечкой засосало, – а еще вы знаете, она во многих благотворительных акциях участвует...

– Марина тоже участвовала в благотворительных акциях. Спуская уйму денег на приюты для животных, – цежу сквозь зубы.

– Это одно, Босс, – с восторгом говорит Роман, как будто не замечая моего настроения, – Настя мало того, что ходила в тот детский дом, где хотела ребенка усыновить, так она еще все свое свободное время посвящала приютам для бездомных детей. Я восхищен, этой девушкой, если честно, Босс! – выдал на одном дыхании.

– Ром, мне кажется тебя несет? Нет? Я беру эту девушку на работу, а не для того, чтобы она шашни у меня под носом крутила. Услышал меня? – стараюсь говорить спокойно без эмоций, но не хрена не выходит.

Голос грубеет от раздражения.

– Да я и не думал, Босс, – замялся Роман, обиженно от-
вернулся к окну.

Чертов придурок! Совсем с башкой не дружит. Какие на-
хрен обидки? Что происходит?

– Ром, – выкручиваю резко руль и останавливаюсь у обо-
чины, – прогульнись, – киваю ему на дверь, а сам достаю си-
гарету сую в рот. Закуриваю.

– Да, Босс. Я все понял, – тут же всполошился Роман.

Но видя мой взгляд, которым я смотрю на парнягу, молча
открывает дверь и выходит.

Ударяю по газам. И со свистом срываюсь с места.

Терпеть в салоне слюнопускание по няньке, было превы-
ше моих сил. Да тем более от Романа, который поимел столь-
ко девок, что подумать страшно.

Бычок обжигает пальцы и я приоткрыв стекло выкидываю
его на улицу.

Что-то я чересчур нервничаю. Это девчонка даже еще не
начала работать у меня, а уже из-за нее какие-то недопони-
мания происходит с моими людьми.

Боюсь даже себе представить, что будет когда она заедет
в дом?

Заезжать к юристу расхотелось сразу же, как только представил, что придется составлять ряд правил для Насти. Меня аж в пот бросило.

Сейчас я не в том расположении духа. Чтобы непредвзято относиться к той или иной обязанности девушки.

Первое что пришло на ум, так это то что мне захотелось посадить девушку под замок и не выпускать из комнаты до самой старости.

Ха, вот это меня несет уже покруче Романа.

Возможно, я сейчас делаю большую ошибку, нанимая эту девушку для Вероники.

И тут же в голове встал вопрос ребром, а точно ли я ее нанимаю для дочери?

Это вопрос я тут же замял. Не хочу даже думать над его ответом.

Нужно бы подостыть. Разумом я понимаю, что на меня так действую расшатанные нервы и взывавший в крови адреналин, от переполняющих эмоций. Все закрутилось так быстро, что не успеваю за событиями.

В голове то и дело всплывают нерешенные до конца вопросы, на которые мне очень хотелось бы получить ответы. Но я не могу сосредоточиться и проработать один вопрос, так как мое внимание, постоянно перетягивается для решение другого. .

Мою гонку мыслей перебил вибрирующий в кармане телефон.

Достаю трубку. Смотрю на экран. Секретарша Лена.

– Да, Лен? – бросил в трубку, затягиваясь новой сигаретой.

Чертов никотин, на время заглушает раздражение и с Леной я разговариваю относительно спокойно.

– Богдан Дмитриевич, – голос секретарши дрожит и я понимаю, что две недели проведенный в больнице не прошли незаметно и для мой фирмы.

– Да, Лен, чего ты там блеешь. Говори уже, – грубо обрываю секретаршу.

– Здесь Гоша, он вам сейчас все объяснит, – наконец-то мяуканье в трубке заканчивается.

– Босс, тут это. Две фуры... с техникой, которые должны были прибыть сегодня ночью... – Гоша замолкает, и мне становится совсем скверно на душе, пауза затягивается.

– Черт побери! Гоша, ты что там язык проглотил? – рычу на него.

– С них сняли отслеживающие маячки. Я пробовал с ними связаться, но не рации ни сотовые не отчают. Ребят я уже отправил к ним на встречу, – закончил Гоша.

А я продолжил молчать.

Гребаный день!

Бесит! Ударяю руками о руль и найдя свободное место между едущими машинами, резко разворачиваюсь через двойную сплошную, направляюсь в сторону офиса.

– Я еду, – кидаю в трубку и отбрасываю телефон на пас-

сажирское сиденье.

Потерять столько денег я не могу. Не в данный момент.

Конечно если с фурами беда, какая случилась часть расходов покроет страховка, а вот остальную придется возмещать самому. Но это при хорошем раскладе. Но как и в любом деле здесь тоже есть подвох. Многое будет зависеть от того, что конкретно за ситуация произошла на дороге.

Фуры нашлись глубокой ночью.

И сейчас стоя перед одной из них я в недоумении смотрел на то, что от нее осталось.

– Шофера так и не нашли, Босс, – подойдя ко мне со спины сообщил Роман.

Но тут и дураку будет понятно, что одного, что второго шофера, где-то прикопали в лесочке.

Потому как пойти на подобную аферу дальнобои просто не могли. Они работали со мной уже несколько лет. Да и смысла им не было делать подобного, я плачу своим дальнобоям достаточно большую зарплату. Отсюда у меня только одно объяснение всей той вакханалии что творится в данный момент: это чистой воды показательное ограбление и плевков в мою сторону. Мало того кто-то решил нажиться на товаре, которого по подсчетам накладных здесь имелось не менее, чем на пару десятков лямов, так еще и фуры покорежили так, что для их восстановления мне придется вложить в них кругленькую сумму.

– Надо еще подумать, как сообщить женам о том, что произошло с их мужьями, – сжимая челюсть, отхожу от фуры, направляясь к джипу, – завтра надо прислать ребят, чтобы все здесь перерыли вверх дном. Хочу чтобы нашли все, что поможет отыскать этих утырков. А пока надо кинуть информацию юристу, чтобы он все грамотно расписал.

– Да, Босс, – кивнул Роман, идя за мной следом.

– А так же позвонишь страховщику, пусть поднимает свою задницу и отрабатывает те деньги которое я ему плачу. Привезешь его сюда и проследишь, чтобы все сделал в лучшем виде.

– Да, Босс.

– И дальнобоев конечно пока не нашли, это хоть и не наша пока головная боль, а ментовская, но вот по поводу страховки придется подсуетиться нам. Опять же, объяснишь завтра все популярно нашему агенту, пусть там подсуетится.

– Все сделаю, Босс, – уверяет меня Роман.

Я оглядываюсь на парня, каким-то он мне кажется вялым и рассредоточенным.

Как будто в облаках, где-то витает.

Нет, сам-то он был здесь, я это видел, но вот мысли явно были заняты чем-то другим.

– Ром, у тебя все в порядке? – решаю все же уточнить у парня.

Мне завтра будет нужен его живой ум и быстрое реагирование на мои команды, а не мычащий телок, который двух

слов связать не в силах.

– Да, Босс, – кивнул Роман, – про Миху задумался. Может его уже можно вытащить? А то засиделся он на больничном. Пусть разомнется. Да и мне легче будет, – начал из далека Роман.

– Как он себя чувствует? – останавливаюсь возле водительской двери, смотрю на парня.

– Говорит, что уже волком воет от безделья дома. Босс, ну вы же знаете Миху, на нем все как на собаке заживает...

– Ну, что ты разнылся как девочка, Ром. Не до этого мне сейчас. Я же сказал. Миху на месяц от дел отстраняю. Что сказал врач? – Рома промолчал. – Вот и я о том. Ты же прекрасно знаешь, что свято место пустым не бывает. И если вдруг Михаил выйдет из строя, замену мы ему найдем. Не сомневайся, – отвечаю парню грубо, но ведь по другому не поймет.

У Михаила было задето несколько органов. Его врачи часа четыре к ряду, с того света вытаскивали. А он так просто хочет насмарку все их старание пустить.

А где-то в глубине души тут же проснулась моя совесть и ехидно подзуживая напомнила о том, что я поступил точно так же.

Занимаю место на водительском сиденье и громко хлопнув дверь, полез за сигаретой.

Надо это дело бросать. Курение это бред.

Покрутил пачку в пальцах. Достал одну сигарету, а все

остальные смяв в кулаке выкинул в окно.

Повернул ключ зажигания в тот момент, когда Роман занимает место пассажира.

– Завтра Миху можешь взять с собой, – бросил ему, с зажатой сигаретой в зубах, – но без самостоятельности. Здесь завтра будут скорее всего и менты. Так что не нарываться и лишнего не болтать. Мы с ними в разных лодках. Усек? И за братвой проследишь. Пусть не лезут напоказ.

– Босс, ну что вы в самом деле, как маленькому?! – сложил руки на груди Роман.

Дернул головой к окну.

– Ладно, Ром. Не обессудь. Я тебе напоминаю, не более того. А то ты я смотрю что-то совсем приозяб. В облаках, каких-то летаешь, – подковырнул его.

– Да нигде я не летаю, Босс! – взъерепенился парень. – Вы ко мне из-за няньки цепляетесь? Да не нужна она мне сто лет!

– Вот так бы и сразу, – надавил на газ, – рано еще о девках думать, Ром. Осень на дворе, до марта еще далековато.

– Я же сказал, все не буду, – буркнул под нос парень.

А я в душе отчего-то радуюсь, быстрой капитуляции парня.

Мне сразу становится легко и спокойно на сердце.

Напряжение начинает отпускать и голова проясняется.

Всю дорогу до дома, я больше не обмолвился с Романом ни словом, как впрочем и он не предпринимал попытки за-

вести со мной разговор.

Но мне и не нужны были разговоры, нужно было подумать над тем, кому я мог перейти дорогу? И в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.